

ТОМАС КИЙТЛИ

**ИСТОРИЯ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ
ВОЙНЫ В ГРЕЦИИ**

ТОМ 2

Томас Кийтли

**История освободительной
войны в Греции. Том 2**

«Издательские решения»

Кийтли Т.

История освободительной войны в Греции. Том 2 / Т. Кийтли —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-656457-2

Греческая война за независимость, также известная как Греческая революция или Греческая революция 1821 года, была успешной войной за независимость, которую греческие революционеры вели против Османской империи с 1821 по 1829 год. Во втором томе Автор детально описывает войну Греции за независимость (с 1822 по 1827)

ISBN 978-5-00-656457-2

© Кийтли Т.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие от переводчика	6
Война за независимость Греции	6
Предыстория	8
Клефты и арматолы	9
Филики Этерия	11
Начало революции	13
Глава I	14
Глава II	23
Глава III	33
Глава IV	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

История освободительной войны в Греции Том 2

Томас Кийтли

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Томас Кийтли, 2025

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2025

ISBN 978-5-0065-6457-2 (т. 2)

ISBN 978-5-0065-5886-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от переводчика

Война за независимость Греции

Война за независимость Греции, также известная как Греческая революция (греч. Ελληνική Επανάσταση του 1821, Elliniki Epanastasi; в XIX веке греки называли ее просто Αγώνας, Agonas, «борьба»; Yunan İsyanı, «Греческое восстание»), была успешная война за независимость, которую вели греческие революционеры против Османской империи в период между 1821 и 1830 годами. Впоследствии грекам помогали Великобритания, Франция и Россия, а османам – их североафриканские вассалы, в частности, эйялет Египта. Война привела к образованию современной Греции. Революция отмечается греками всего мира как День независимости 25 марта.

Греция оказалась под властью Османской империи в XV веке, за несколько десятилетий до и после падения Константинополя. [2] В последующие века греки периодически поднимали восстания против османского владычества, но они были безуспешными. [3] В 1814 году была основана тайная организация «Филики Этерия» (Общество друзей) с целью освобождения Греции, воодушевленная революционным пылом, охватившим Европу в тот период. Filiki Eteria планировала начать восстания в Пелопоннесе, Дунайских княжествах и самом Константинополе. Восстание было запланировано на 25 марта 1821 года (по юлианскому календарю), православный праздник Благовещения. Однако планы Филики Этерия были раскрыты османскими властями, что вынудило начать революцию раньше. Первое восстание началось 6 марта/21 февраля 1821 года в Дунайских княжествах, но вскоре было подавлено османами. События на севере побудили греков на Пелопоннесе (Морея) к действиям, и 17 марта 1821 года маниоты первыми объявили войну. В сентябре 1821 года греки под руководством Теодороса Колокотрониса захватили Триполицу. На Крите, в Македонии и Центральной Греции вспыхнули восстания, но в итоге были подавлены. Тем временем временные греческие флоты добились успеха в борьбе с османским флотом в Эгейском море и не позволили османским подкреплениям прибыть по морю.

Напряженность вскоре возникла между различными греческими группировками, что привело к двум последовательным гражданским войнам. Османский султан призвал своего вассала Мухаммеда Али из Египта, который согласился отправить своего сына Ибрагима-пашу в Грецию с армией для подавления восстания в обмен на территориальные приобретения. Ибрагим высадился на Пелопоннесе в феврале 1825 года и к концу того же года установил контроль над большей частью полуострова. Город Месолонгион пал в апреле 1826 года после годовой осады турками. Несмотря на неудачное вторжение в Мани, Афины также пали, и революция казалась почти проигранной.

В этот момент три великие державы – Россия, Великобритания и Франция – решили вмешаться, отправив свои военно-морские эскадры в Грецию в 1827 году. После известия о том, что объединенный османско-египетский флот собирается атаковать остров Идра, союзные европейские флоты перехватили османский флот у Наварина. После напряженного недельного противостояния битва при Наварине привела к уничтожению османско-египетского флота и переломила ход событий в пользу революционеров. В 1828 году египетская армия отступила под давлением французского экспедиционного корпуса. Османские гарнизоны на Пелопоннесе капитулировали, и греческие революционеры продолжили отвоевывать центральную Грецию. Россия вторглась в Османскую империю и заставила ее признать автономию Греции по Адрианопольскому мирному договору (1829). После девяти лет войны Греция была наконец признана независимым государством согласно Лондонскому протоколу от февраля

1830 года. Дальнейшие переговоры в 1832 году привели к Лондонской конференции и Константинопольскому договору; эти документы определили окончательные границы нового государства и утвердили принца Оттона Баварского первым королем Греции.

Предыстория

Падение Константинополя 29 мая 1453 года и последующее падение государств-преемников Византийской империи ознаменовали конец византийского суверенитета. После этого Османская империя правила на Балканах и в Анатолии (Малой Азии), за некоторыми исключениями. Православные христиане получили некоторые политические права под османским правлением, но считались подчиненными низшего статуса. Большинство греков турки называли райя (rayah) – термин, обозначающий массу немусульманских подданных под властью османского правящего класса.

Тем временем греческие интеллектуалы и гуманисты, которые мигрировали на запад до или во время османских завоеваний, такие как Деметриос Халкокондил и Леонардос Филарас, начали призывать к освобождению своей родины. Деметрий Халкокондил призывал Венецию и «всех латинян» помочь грекам против «отвратительных, чудовищных и нечестивых варваров-турок». Однако Греция оставалась под османским правлением еще несколько веков.

Греческая революция не была изолированным событием; на протяжении всей истории османской эпохи предпринимались многочисленные неудачные попытки восстановить независимость. На протяжении XVII века наблюдалось сильное сопротивление османам в Морее и других регионах, о чем свидетельствуют восстания, возглавляемые Дионисием Философом. После Морейской войны Пелопоннес на 30 лет перешел под власть Венеции, и с тех пор, а также на протяжении всего XVII века, регион оставался в состоянии нестабильности, поскольку увеличивалось число отрядов клефтов.

Первым крупным восстанием стало Орловское восстание 1770-х годов, спонсируемое Россией, которое было подавлено османами после ограниченных успехов. После подавления восстания мусульманские албанцы разорили многие регионы материковой Греции. Однако маниоты продолжали сопротивляться османскому правлению и отразили несколько османских вторжений в свой регион, самым известным из которых было вторжение 1770 года. Во время Второй русско-турецкой войны греческая община Триеста финансировала небольшой флот под командованием Ламброса Кацониса, который доставлял неудобства османскому флоту; во время войны клефты и арматолы (партизаны в горных районах) снова поднялись.

В то же время ряд греков занимал привилегированное положение в османском государстве как члены османской бюрократии. Греки контролировали дела Православной церкви через Вселенский Патриархат Константинополя, поскольку высшее духовенство Православной церкви в основном было греческого происхождения. Таким образом, в результате османской системы миллетов преимущественно греческая иерархия Патриархата пользовалась контролем над православными подданными империи (рум-миллет).

Греческая православная церковь сыграла ключевую роль в сохранении национальной идентичности, развитии греческого общества и возрождении греческого национализма. С начала XVIII века члены влиятельных греческих семей в Константинополе, известные как фанариоты (по названию района Фанар в городе), получили значительный контроль над османской внешней политикой, а затем и над бюрократией в целом.

Клефты и арматолы

В периоды слабой центральной власти балканская сельская местность становилась прибежищем для групп бандитов, называемых «клефтами» (греч.: κλέφτες) (греческий эквивалент гайдуков), которые нападали как на мусульман, так и на христиан. Бросая вызов османскому правлению, клефты пользовались большим уважением и занимали значительное место в народном фольклоре.

В ответ на нападения клефтов османы нанимали наиболее способных из этих групп, заключая контракты с христианскими ополчениями, известными как «арматолы» (греч.: αρματολοί), для защиты уязвимых районов, особенно горных перевалов. Территория под их контролем называлась «арматолик», старейший из известных был создан в Аграфе во время правления Мурада II (1421—1451). Различие между клефтами и арматолами было нечетким, поскольку последние часто превращались в клефтов, чтобы вымогать больше выгод у властей, в то время как, наоборот, другая группа клефтов назначалась в арматолик для противостояния своим предшественникам.

Тем не менее, клефты и арматолы формировали провинциальную элиту, хотя и не социальный класс, члены которой объединялись ради общей цели. Постепенно положение арматолов становилось наследственным, и некоторые капитаны рассматривали свои арматолики как личную собственность. В их руках сосредоточивалась значительная власть, и они интегрировались в сеть клиентелистских отношений, формировавших османскую администрацию. Некоторым удалось установить исключительный контроль над своими арматоликами, вынуждая Порту неоднократно, хотя и безуспешно, пытаться устранить их.

К моменту Войны за независимость могущественные арматолы могли быть найдены в Румелии, Фессалии, Эпире и южной Македонии. Для революционного лидера и писателя Янниса Макриянниса клефты и арматолы – будучи единственной доступной крупной военной силой на стороне греков – сыграли настолько важную роль в греческой революции, что он назвал их «закваской свободы».

Благодаря экономическому развитию внутри и за пределами Османской империи в XVIII веке греческие купцы и моряки стали зажиточными и накопили богатства, необходимые для основания школ и библиотек, а также для оплаты обучения молодых греков в университетах Западной Европы. Там они познакомились с радикальными идеями европейского Просвещения, Французской революции и романтического национализма. Образованные и влиятельные члены многочисленной греческой диаспоры, такие как Адамантиос Кораис и Анфимос Газис, пытались передать эти идеи обратно грекам, с двойной целью повышения уровня образования и одновременно укрепления их национальной идентичности. Это достигалось через распространение книг, брошюр и других произведений на греческом языке в процессе, который был описан как современное греческое Просвещение (греч.: Διαφωτισμός).

Ключевым для развития греческой национальной идеи стали русско-турецкие войны XVIII века. Петр Великий предполагал распад Османской империи и восстановление новой Византийской империи с православным императором. Его Прутский поход 1711 года стал прецедентом для греков, когда Петр призвал православных христиан присоединиться к русским и восстать против турок, чтобы сражаться за «веру и родину». Русско-турецкие войны Екатерины II (1762—1796) заставили греков задуматься о своем освобождении с помощью России. В 1769 году русские агенты спровоцировали движение за независимость на Пелопоннесе (Морея), а греческая флотилия под командованием Ламброса Кацониса помогала русскому флоту в войне 1788—1792 годов. Греческие восстания XVIII века не увенчались успехом, но были гораздо масштабнее, чем восстания предыдущих столетий, и они провозгласили инициативу для национальной революции.

Революционный национализм распространился по Европе в XVIII и XIX веках (включая Балканы) под влиянием Французской революции. По мере ослабления власти Османской империи греческий национализм начал заявлять о себе. Самым влиятельным из греческих писателей и интеллектуалов был Ригас Фереос. Глубоко вдохновленный Французской революцией, Ригас первым задумал и организовал всеобъемлющее национальное движение, направленное на освобождение всех балканских народов – включая турок региона – и создание «Балканской республики». Арестованный австрийскими властями в Триесте в 1797 году, он был передан османским чиновникам и доставлен в Белград вместе со своими сообщниками. Все они были задушены в июне 1798 года, а их тела сброшены в Дунай. Смерть Ригаса разожгла пламя греческого национализма; его националистическая поэма «Туриос» (боевая песня) была переведена на несколько западноевропейских, а позже и балканских языков и стала призывом к борьбе греков против османского владычества.

Лучше час свободной жизни,

Чем сорок лет рабства и тюрьмы.

Ригас Фереос, примерный перевод из его поэмы «Туриос».

Другим влиятельным греческим писателем и интеллектуалом был Адамантиос Кораис, ставший свидетелем Французской революции. Основным интеллектуальным вдохновением Кораиса было Просвещение, и он заимствовал идеи у Томаса Гоббса, Джона Локка и Жан-Жака Руссо. В молодости Кораис переехал в Париж, чтобы продолжить учебу. В итоге он окончил Монпельскую медицинскую школу и провел остаток жизни в Париже. Он часто вел политические и философские дебаты с Томасом Джефферсоном. Находясь в Париже, он стал свидетелем Французской революции и увидел демократию, которая из нее вышла. Он много времени посвятил убеждению богатых греков строить школы и библиотеки для улучшения образования греков. Он считал, что улучшение образования необходимо для общего благосостояния и процветания народа Греции, а также страны. Конечной целью Кораиса была демократическая Греция, подобная Золотому веку Перикла, но он умер до окончания революции.

Связь Греческой революции с Просвещением и Французской революцией была поставлена под сомнение несколькими греческими авторами, которые считали эту теорию механистичной и ложной. [32] Отношения между Греческой и Французской революциями также оспаривались другими учеными, такими как профессор истории Николаос Влахос (он также сомневается, что Французская революция была «революцией» в истинном смысле), профессор Иоаннис Теодоракопулос, историк революции Дионисиос Коккинос, профессор истории Эммануил Протопсалтис, профессор Константинос Деспотопулос и другие. [33] По мнению Т. Пруссиса, главным внешним фактором, способствовавшим прогрессу революции, была Россия. Со времен Петра Великого Россия представляла себе христианскую борьбу против турок под его руководством. Греция была вовлечена в русские планы с революции 1770 года.

Греческое дело начало привлекать поддержку не только со стороны крупной греческой торговой диаспоры в Западной Европе и России, но также со стороны западноевропейских филэллинов. Это греческое движение за независимость было не только первым движением национального характера в Восточной Европе, но и первым в нехристианской среде, такой как Османская империя.

Филики Этерия

Мученичество Фереоса вдохновило трех молодых греческих купцов: Николаоса Скуфаса, Эммануила Ксантоса и Афанасиоса Цакалова. Находясь под влиянием итальянских карбонариев и используя свой собственный опыт как членов масонских организаций, они основали в 1814 году тайное общество Филики Этерия («Дружеское общество») в Одессе, важном центре греческой торговой диаспоры в России. При поддержке богатых греческих общин в изгнании в Великобритании и США, а также с помощью сочувствующих в Западной Европе, они планировали восстание.

Основной целью общества было возрождение Византийской империи со столицей в Константинополе, а не создание национального государства. В начале 1820 года Иоаннис Каподистрия, чиновник с Ионических островов, ставший совместным министром иностранных дел царя Александра I, был предложен обществом в качестве лидера, но отказался от предложения; тогда филики (члены Филики Этерии) обратились к Александру Ипсилантису, фанариоту, служившему в русской армии генералом и адъютантом Александра, который согласился.

Филики Этерия быстро расширялась и вскоре смогла вербовать членов во всех районах греческого мира и среди всех слоев греческого общества. В 1821 году Османская империя в основном столкнулась с войной против Персии и, в частности, с восстанием Али-паши в Эпире, что вынудило вали (губернатора) Мореи Хуршид-пашу и других местных пашей покинуть свои провинции и выступить против повстанческих сил. В то же время великие державы, объединенные в «Концерте Европы» против революций после Наполеона I, были заняты восстаниями в Италии и Испании. Именно в этом контексте греки посчитали время подходящим для собственного восстания. Первоначальный план предполагал восстания в трех местах: на Пелопоннесе, в Дунайских княжествах и в Константинополе.

Филэллинизм

Горы смотрят на Марафон —
И Марафон смотрит на море;
И, размышляя там в одиночестве час,
Я мечтал, что Греция еще может быть свободной.
Ибо, стоя на могиле персов,
Я не мог считать себя рабом.

...

Должны ли мы лишь плакать о днях более благословенных?
Должны ли мы лишь краснеть? – Наши отцы проливали кровь.
Земля! Верни из своей груди
Остаток наших спартанских мертвецов!
Из трехсот дай хотя бы троих,
Чтобы создать новые Фермопилы.
Байрон, «Острова Греции»[40]

Из-за греческого происхождения большей части классического наследия Запада в Европе было огромное сочувствие к греческому делу. Некоторые богатые американцы и западноевропейские аристократы, такие как знаменитый поэт лорд Байрон и позже американский врач Сэмюэл Хоув, взяли за оружие, чтобы присоединиться к греческим революционерам. [41] В Великобритании была сильная поддержка, возглавляемая философскими радикалами, вигами и евангелистами. Многие помогали финансировать революцию. Лондонский филэллинский комитет помог повстанческой Греции получить два займа в 1824 году (800,000) и 1825 году (2,000,000). Шотландский филэллин Томас Гордон участвовал в революционной борьбе и позже написал первые истории Греческой революции на английском языке. По сло-

вам Альберта Бойма, «филэллины охотно закрывали глаза на многие противоречивые истории о греческих зверствах, потому что им больше некуда было девать свои либертарианские импульсы.»

В Европе греческое восстание вызвало широкое сочувствие среди общественности, хотя сначала оно было встречено прохладно и негативно великими державами. Некоторые историки утверждают, что османские зверства широко освещались в Европе, в то время как греческие зверства, как правило, замалчивались или преуменьшались. Османские массовые убийства на Хиосе в 1822 году вдохновили знаменитую картину Эжена Делакруа «Резня на Хиосе»; другие филэллинские работы Делакруа были вдохновлены различными стихами Байрона. Байрон, самый знаменитый филэллин из всех, отдал свое имя, престиж и богатство делу.

Байрон организовал средства и припасы (включая предоставление нескольких кораблей), но умер от лихорадки в Миссолонги в 1824 году. Смерть Байрона помогла создать еще более сильное европейское сочувствие к греческому делу. Его поэзия, наряду с искусством Делакруа, помогла пробудить общественное мнение Европы в пользу греческих революционеров до точки невозврата и привела к прямому вмешательству западных держав.

Филэллинизм внес значительный вклад в романтизм, позволив молодому поколению художественных и литературных интеллектуалов расширить классический репертуар, рассматривая современную греческую историю как продолжение древней истории; идея возрождения духа древней Греции пронизывала риторику сторонников греческого дела. Классицисты и романтики того времени представляли изгнание турок как прелюдию к возрождению Золотого века.

Начало революции

Александр Ипсилантис был избран главой Филики Этерии в апреле 1820 года и взял на себя задачу планирования восстания. Его намерением было поднять всех христиан Балкан на восстание и, возможно, заставить Россию вмешаться на их стороне. 22 февраля [по новому стилю 6 марта] он перешел реку Прут со своими последователями, войдя в Дунайские княжества. [49] Чтобы побудить местных румынских христиан присоединиться к нему, он объявил, что у него есть «поддержка великой державы», подразумевая Россию. Через два дня после перехода Прута, в монастыре Трех Святителей в Яссах, столице Молдавии, Ипсилантис издал прокламацию, призывая всех греков и христиан восстать против османов:

Сражайтесь за веру и родину! Настало время, о эллины. Давно народы Европы, сражаясь за свои права и свободы, призывали нас к подражанию... Просвещенные народы Европы заняты восстановлением того же благополучия и, полные благодарности за благодеяния наших предков по отношению к ним, желают освобождения Греции. Мы, казалось бы, достойные добродетелей предков и нынешнего века, надеемся, что добьемся их защиты и помощи. Многие из этих любителей свободы хотят прийти и сражаться вместе с нами... Кто же тогда мешает вашим мужественным рукам? Наш трусливый враг болен и слаб. Наши генералы опытны, и все наши соотечественники полны энтузиазма. Объединяйтесь же, о храбрые и великодушные эллины! Пусть формируются национальные фаланги, пусть появляются патриотические легионы, и вы увидите, как эти старые гиганты деспотизма падут сами перед нашими победоносными знаменами.

Михаил Суцос, тогдашний князь Молдавии и член Филики Этерии, предоставил свою охрану в распоряжение Ипсилантиса. Тем временем патриарх Константинопольский Григорий V и Синод анафематствовали и отлучили от церкви как Ипсилантиса, так и Суцоса, издав множество энциклик, явно осуждающих революцию в соответствии с политикой Православной церкви. [54]

Вместо того чтобы напрямую двигаться на Брэилу, где он, возможно, мог бы предотвратить вступление османских армий в княжества и где мог бы заставить Россию принять свершившийся факт, Ипсилантис остался в Яссах и приказал казнить нескольких проосманских молдаван. В Бухаресте, куда он прибыл в начале апреля после некоторой задержки, он решил, что не может полагаться на валашских пандуров, чтобы продолжить их восстание, базирующееся в Олтении, и помочь греческому делу. Лидер пандуров Тудор Владимиреску уже достиг окраин Бухареста 16 марта [по новому стилю 28 марта]. В Бухаресте отношения между двумя мужчинами резко ухудшились; первоочередной задачей Владимиреску было утвердить свою власть против недавно назначенного князя Скарлата Каллимаки, пытаясь поддерживать отношения как с Россией, так и с османами.

В этот момент Каподистрия, министр иностранных дел России, получил приказ от Александра I отправить Ипсилантису письмо с упреком за злоупотребление мандатом, полученным от царя; Каподистрия объявил Ипсилантису, что его имя было вычеркнуто из армейского списка и что ему приказано сложить оружие. Ипсилантис попытался проигнорировать письмо, но Владимиреску воспринял это как конец своего союза с Этерией. В лагере вспыхнул конфликт, и Владимиреску был осужден и казнен Этерией 26 мая [по новому стилю 7 июня]. Потеря румынских союзников, за которой последовало османское вмешательство на валашской земле, привела к поражению греческих изгнанников и завершилась катастрофической битвой при Драгашани и уничтожением Священного отряда 7 июня [по новому стилю 19 июня].

Глава I

Конгресс в Эпидавре – его итоги – организация правительства – Гипсилантис направляется в Коринф – сдача цитадели, Сдача цитадели и расправа над гарнизоном Сдача и смерть Али-паши Хоршид готовится к нападению на греков Турки терпят поражение при Наварино и у Патр – Неудача попытки нападения на Фессалию – Блокада Афинского Акрополя – Героическая смерть Элиаса Мавромихалиса – Выкуп гарема Хоршида – Прибытие Марка Боцариса в Коринф.

КОГДА депутаты из разных частей Греции собрались в Аргосе, они приступили к своей задаче – выработке конституции и правительства для зарождающегося государства. Полагая, однако, что близость осажденного города неблагоприятна для их обсуждений, они удалились в Пиади, близ древнего Эпидавра, ничтожную деревушку на южной стороне Афинского залива. Здесь, на открытом воздухе, под безмятежным небом, среди рощи апельсиновых деревьев, с видом на Саламин, депутаты проводили свои заседания; ведь в городе Эскулапов не было дома, где они могли бы разместиться, а восхитительный климат этой части Пелопоннеса мягкий и цветущий даже в разгар зимы.

Комиссии, председателем которой был Маврокордатос, было поручено разработать план национальной конституции, и 1 января 1822 года (по старому стилю) он был обнародован.

Правительство было разделено на две ветви: законодательную, состоящую из депутатов провинций, и исполнительную, состоящую из пяти членов.

Законодательный орган, или сенат, состоящий из тридцати трех депутатов, в основном выбранных из членов конгресса, избрал президентом и вице-президентом Гипсилантиса и Сотири Харалампи. Членами исполнительного органа стали А. Маврокордатос, президент; Афанасий Канакарис из Патры, вице-президент; Иоанн Орландос из Гидры, Анагностарас Папаянопулос из Каритены и Иоанн Логотетис из Ливадии. Сформировав эти органы, национальный конгресс обратился к народу с манифестом, в котором дал отчет о своей деятельности, а затем объявил о своем роспуске. Исполнительная власть немедленно приступила к исполнению своих обязанностей и назначила следующих министров: по иностранным делам и председательству в совете – Феодор Негрис из Константинополя; по внутренним делам – Иоанн Колетти из Сирако в Эпире; по военным делам – Ноти Боцарис из Соли; для морских дел – комиссия из трех членов, по одному от каждого из островов Гидры, Специи и Ипсары; для финансов – Паноццо Нотарас из Коринфа; для общественного богослужения – Иосиф, епископ Андросса; для правосудия – Власий из Аргоса; для полиции – Ламброс Накос из Салоны.¹

Вместо эмблем Хетайрии и Гипсилантиды были приняты новые эмблемы и новые цвета: белый и небесно-голубой стали национальными цветами; на флагах греческих кораблей было изображено тринадцать синих и двенадцать белых полос, расположенных горизонтально; на штандартах их войск – белый крест на лазоревом поле. После завоевания Афины должны были стать столицей Греции; до тех пор этой чести удостоивался Коринф, чья цитадель только что сдалась.

В новой конституции было заявлено, что, во-первых, все религии должны быть терпимы, и свободное отправление их обрядов разрешено. 2, Что все греки, без различия званий, должны быть равны перед законом. 3, Чтобы все греки имели право на все должности в государстве, причем предпочтение должно отдаваться только по заслугам. 4) Имущество, честь и безопасность каждого человека находились под защитой закона.

¹ Райбо.

Благоприятные последствия обнародования временной конституции вскоре стали очевидны: буйные и жадные приматы Мореи получили должности, которые могли оказаться прибыльными; народ, обрадованный учреждением регулярной власти, охотно платил взносы; солдаты были довольны перспективой того, что в будущем их будут заботиться о регулярном снабжении провиантом. Все сословия людей были готовы с радостью включиться в великую работу, которая стояла перед ними.²

Когда конгресс начал свои заседания в Эпидавре, Гипсилантис, понимая, какой оборот примут дела в отношении него самого, направил свои мысли всецело на войну и, покинув это место, отправился с полком Балеста в Коринф. Он отказался от титула лейтенанта генерал-комиссара, который до сих пор использовал при подписании своих актов, и от титула архистратига, присвоенного ему сенатом Гидры и подтвержденного сенатом Каламаты, довольствуясь простым и заслуженным титулом патриота. В Коринф его сопровождал Киамил, бей этого города, который был в числе пленных, взятых при Триполице, и жизнь которого была пощажена в надежде, что он поможет сдать почти неприступный Акрокоринф.

Акрополь Коринфа, место силы еще на заре истории, возвышается на 1800 футов над уровнем моря, от которого он удален не более чем на милю. Его сторона, обращенная к городу у его подножия, почти перпендикулярна; противоположная сторона не так крута, но только с запада на нее можно подняться с удобством. Ее поверхность, представляющая собой неправильный овал, в самом длинном диаметре составляет около 600 шагов; и если бы не холод, вызванный ее возвышенностью, на ней, как полагают, можно было бы выращивать кукурузу, достаточную для содержания гарнизона. Пиренейский фонтан до сих пор продолжает обильно изливать вкусную воду, которая спускается в город. С Акрокоринфа открывается вид на большую часть Пелопоннеса, континент, моря и острова, охватывая сцены некоторых из самых славных деяний Эллады.³

Несчастливого Киамиль-бея привели под эти валы, которые более века подчинялись ему и его предкам, и силой самых страшных угроз заставили пожелать его семье и его воинам сдать эту грозную крепость врагам их веры. Этому его последнему приказу повиновались, и была заключена капитуляция, подобная тем, что были заключены в Мальвазии и Наварино. Балесте и его людей первыми впустили в крепость, и они вели себя в порядке и гуманно; но вскоре туда вошли иррегуляры, которые инвестировали цитадель, и другие, возглавляемые сыном Колокотрониса, и тогда начались убийства. Вспомнили, что кияя, направляясь в Триполицу, оставил часть своих албанцев в цитадели Коринфа, а поскольку их братья под командованием Эльмасбея не сдержали клятву не носить оружия против греков, их вина теперь была возложена на албанцев в Коринфе, и все они были истреблены. «Таким образом, – хорошо замечено,⁴ – в этой войне на истребление они наказывали нарушение клятвенной веры другим ее нарушением».

Гипсилантис, возмущенный таким неверным поведением и жестокостями, которые были совершены, и в то же время желая уехать до того, как правительство утвердится в Коринфе, отправился в Фессалию. Балест, по распоряжению правительства, готовился к отплытию на Крит; с этого острова прибыли два депутата, чтобы пожаловаться на Афендолиеффа и попросить прислать Балеста, которого жители знали и уважали, для руководства военными действиями против турок, которых им удалось запереть в укрепленных городах. Балесте сопровождали на Крит несколько его офицеров, а командование его батальоном было передано пьемонтскому полковнику Тарелле.

² Соуцо.

³ Raybaud, ii. 194.

⁴ Raybaud, ii. 179.

Пока греки занимались организацией своего правительства и подготовкой к предстоящей кампании, старый сатрап Эпира стал жертвой козней Хоршида. После последнего дела в Арте Тошки-ага решил сохранять нейтралитет между враждующими сторонами; сулиоты были возмущены письмом Али, которое остановило их, когда они спешили к нему на помощь, и теперь ему оставалось полагаться только на гарнизон Озерного замка. Тем не менее, Хоршид стремился склонить тошкинцев на сторону султана и настойчиво убеждал их, что при любом раскладе жизнь Али, к которому он знал их привязанность, должна быть сохранена. Он даже показал им фирманы Порты, в которых говорилось, что в случае его подчинения он сам и гарем, его слуги и сокровища будут перевезены в Малую Азию, где он сможет спокойно провести остаток своих дней. Агасу также были показаны письма сыновей Али, свидетельствующие о хорошем обращении с ними. Поверив этим документам или обрадовавшись предложению, который они давали, чтобы следовать своим склонностям, не подвергаясь обвинению в неблагодарности, ага согласился присоединиться к принуждению мятежника сделать то, что было ему на пользу; а аванс в размере шестимесячного жалования горячо вовлекал их в дело султана.

Скупость Али, не выплачивающего жалование своему гарнизону, вызвала у них отвращение. Он считал их настолько скомпрометированными, что они не могли рассчитывать ни на какую амнистию, и думал, что сможет сохранить свои дорогие деньги. Но как только стало известно, что тошкиты находятся в лагере Хооршида, шептары Али начали дезертировать; каждую ночь некоторые из них переходили через озеро и вступали в лагерь сер-аскера, где их ждал самый благоприятный прием. Тем не менее, пока неаполитанец Каретто оставался руководить артиллерией, старый сатрап не отчаивался. Но Каретто, хотя и был обязан паше жизнью несколько лет назад и до сих пор служил ему с величайшей верностью, то ли измученный тиранией своего господина, то ли убедившись, что спасти его невозможно, решил переметнуться к нему сам и бросить его, как и остальных.

Али, заподозрив его замысел, приставил к нему Афанасия Вайю, чтобы тот следил за ним. Обманув бдительность своей стражи, Каретто спустился с вершины вала по веревке, привязанной к пушке. При падении он сломал себе одну руку, а когда добрался до лагеря Хуршида, то, поскольку он не мог или не хотел сообщить никаких важных сведений об Али, к нему отнеслись с презрением и пренебрежением.

Вскоре после дезертирства Каретто остатки гарнизона, измотанные усталостью и болезнями, открыли осаждающим ворота крепости. Но, опасаясь засады, они не решались войти, и Али успел скрыться в убежище, которое он назвал своим -Καταφύγιον. Это была крепкая башня, хорошо снабженная пушками, в той части дворца, которая предназначалась для женщин. Под ней находилась огромная естественная пещера, наполненная бочками с порохом, его сокровищами и провизией; в ней же находились апартаменты, в которых он спал. Поэтому он позволил императорским войскам спокойно овладеть остальной частью крепости и, когда они подошли достаточно близко, чтобы услышать его, пожелал, чтобы Хоршид прислал кого-нибудь из знатных особ, чтобы посоветоваться с ним.

Хуршид немедленно отправил к нему Тахира Абаса и Хаго Бессиариса. Али ничего не сказал им об их поведении в отношении его подопечных; он довольствовался лишь тем, что сказал, что ему нужен кто-то из главных офицеров сер-аскера. Тогда Хуршид отправил своего кафетанджи, или начальника гардероба, хранителя печатей и некоторых других своих главных офицеров. Али вежливо принял их, попросил спуститься с ним в пещеру, показал им ее содержимое и Селима, одного из своих сейидов, готового по сигналу выстрелить из магазина. Выхватив из-за пояса пистолет, он направил его в сторону депо; посланники вскрикнули от ужаса; визирь улыбнулся и сказал, что он только собирался отложить оружие, так как устал от его тяжести. Он пригласил их сесть рядом с ним, а затем сообщил, что стремится к более достойной смерти, чем та, которая ему уготована, и что Хуршид, его офицеры и армия должны разделить его участь, поскольку вся крепость подорвана, и искра, подложенная к магазину,

который они видят, разнесет все в воздух. Он добавил, что откажется от своего решения, если получит помилование, подписанное рукой султана, и отправится в Малую Азию или куда-либо еще. Затем, вручив кафетанджи свои часы, он сказал ему, что если в течение часа замок не будет эвакуирован, то он выстрелит из магазина.

Хуршид, по возвращении своих посланцев, немедленно отдал приказ об эвакуации замка, и войска, узнав о причине, с тревогой покинули его. Сер-аскер, зная решительный характер человека, с которым ему пришлось иметь дело, и опасаясь последствий его отчаяния, собрал своих главных офицеров и предложил им подписать декларацию, в которой они обязывались употребить все свое влияние, чтобы добиться помилования мятежника. Этот акт, подписанный примерно шестьдесятю офицерами, был передан Али 10 января, и он внушил ему надежду вновь стать тем, кем он когда-то был.

Тревожные сны, слезы обожаемой им Василики и душевные волнения сильно изменили Али, и теперь он цеплялся за жизнь, готовый ухватиться за любую соломинку. 27-го числа к нему явился кафетанджи и сообщил, что Хуршид получил полуофициальное извещение от одного из членов дивана о том, что его высочество, сменив гнев на милость, помиловал Али Тебелина, который должен отправиться в Константинополь, чтобы броситься к ногам своего справедливо обиженного государя; что амнистия распространяется на столько его друзей, сколько он пожелает, и что он может свободно перебраться в Малую Азию. В то же время кафетанджи сказал, что Али и Хоршиду целесообразно лично побеседовать, и поскольку по понятным причинам это не может произойти в замке, то самым подходящим местом для этого будет остров на озере, в киоске, который Али построил там в дни своего процветания и который в последнее время был заново обставлен.

Али был несколько ошеломлен этим предложением и хранил глубокое молчание. Посланник поспешил заверить его, что это сделано лишь для того, чтобы убедить армию в том, что все недоразумения между ним и сер-аскером прекратились; что Хоршид возьмет на место совещания только членов своего дивана, и что, поскольку для человека в положении Али естественно быть подозрительным, он может предварительно послать осмотреть место, а затем взять с собой столько своих стражников, сколько пожелает, оставив все на прежнем уровне в замке, где поединок Селима будет достаточным залогом добросовестности сер-аскера.

Али согласился и в сопровождении двадцати своих стражников переправился на остров. Он приказал Василики привезти туда и много своих ценностей. Прошло два дня, и Хоршид не появлялся; когда Али послал узнать причину, сер-аскер оправдывался, предлагая в то же время разрешить посетить его всем, кого он пожелает. Али назвал Тахира Абаса и других вождей, которым сразу же разрешили отправиться на остров. Увлеченный интригами и планируя, как его друзья могут провести его по дороге в Константинополь, Али не замечал, как проходит время, и тот, кто всю свою жизнь провел в обмане других, стоял на краю пропасти, не замечая своей опасности.

Утром 5 февраля Хуршид послал Хасан-пашу поздравить Али с прибытием фирмана. Ему было велено передать, что из уважения к достоинству монарха ему остается только приказать Селиму погасить спичку и позволить установить на Озерном замке императорский байрак (штандарт). Али был потрясен; он заикнулся о том, что Селиму поручено исполнять только его устный приказ и что он должен лично отправиться в замок, чтобы исполнить то, что они хотят. Завязался жаркий спор; были приведены все возможные доводы; святость Корана была использована, чтобы убедить его, что никакого вероломства не было. В конце концов, наполовину вынужденный, наполовину обманутый, старый хитрый сатрап сдался. Вытащив из своей груди какой-то знак, он сказал: «Покажи это Селиму, – и дракон превратится в ласкового ягненка». Талисман был вручен; Селим, простершись ниц, погасил спичку и был мгновенно заколот; штандарт султана взвился над озерным замком, и крики солдат возвестили Али-паше, что его последняя крепость потеряна.

Наступил полдень: Али, окруженный своей охраной и готовый к худшему, сидел в киоске, с тревогой оглядывая лагерь, замок и озеро; пульс его бился быстро, но лицо было спокойно; он часто пил кофе и ледяную воду, смотрел на часы, зевал, проводил пальцами по бороде и подавал другие признаки своего внутреннего беспокойства. В пять часов было замечено несколько лодок, отчаливших от берега и направлявшихся к острову; они приблизились, и из них высадились Хасан-паша, Омер Брионес, Мехемет, селиктар Хооршида, кафетанджи и несколько главных офицеров, за которыми следовал многочисленный поезд. Али поднялся, положил руку на пистолеты; «Стой!» – крикнул он, – «Что ты мне принес?» – «Волю его высочества», – ответил Хасан: «Ты знаешь этих августейших особ?» – показывая ему позолоченный фронт фирмана. «Да, и уважаю их». «Ну что ж, тогда покорись судьбе, соверши омовение, помолись Богу; твоя голова нужна». «Моя голова так просто не достается!» – вскричал он в ярости. Быстро, как молния, одним пистолетом он ранит Хасана в бедро, а другим убивает кафетанджи; его стражники вбегают и убивают нескольких чодаров. Османлы покидают киоск; извне стреляют и убивают четырех его охранников; сам Али ранен в грудь. Они спускаются ниже и стреляют через пол; один шар попадает ему в бок, другой – в позвоночник; он падает на диван.

«Беги, – кричит он одному из своих людей, – беги, убей бедную Василику; пусть она не будет обесчещена этими злодеями». В дверь врываются; люди Али выпрыгивают из окон; входит селиктар, за ним палачи; Али был еще жив. «Да свершится правосудие Божье», – говорит один из кади. Палачи схватили его, выволокли на улицу и на одной из ступеней многократными ударами тупого меча отрубили ему голову.

Голову Али принесли на большом красном блюде к Хуршиду; он встал, чтобы принять ее, трижды поклонился ей, поцеловал бороду и пожелал, чтобы он сам заслужил такую смерть. Тело отдали албанцам, которые похоронили его со всеми обычными для них проявлениями уважения; голову отправили в столицу и выставили перед Баб Хумайом (Императорскими воротами). С Василикой⁵ Хоршид обращался со всем вниманием и отправил ее в Константинополь, где она была передана под опеку патриарха.

Хооршиду были посланы пелиссе и богатый кинжал с приказом продолжать благое дело истребления неверных; щедрые похвалы и благословения были наградой армии. Мухтар, Вели, два его сына и Салик были убиты в местах своего изгнания. Вели, увидев смерть своих сыновей и брата, отдал свою шею палачам. Мухтар, как истинный албанец, застрелил пришедшего к нему капиджи-баши и, мужественно защищаясь, выпустил порох в своем дворце и бесславно скончался. Таков был конец тирана Эпира и его семьи.

Повинуясь императорским повелениям, Хоршид издал надменное обращение к христианам, призывая их вернуться в прежнее состояние деградации, и начал готовиться к действиям совместно с флотом капитана-паши, который снова отплыл в Патрас. В Фессалии собиралась большая армия, и Хоршид должен был присоединиться к ней.

Наварх Томбасис тем временем совершал инспекционное путешествие по Архипелагу. Отплыв от Гидры в начале января, он разведдал устье Дарданелл и направился к Ипсаре; затем он взял курс на Самос, где активные приготовления жителей к обороне вызвали его восхищение. Согласно своим инструкциям, адмирал собрал всех критян, желавших вернуться и помочь в освобождении родного острова. Он договорился о дани, которую каждый из Кикладских островов должен платить в государственный бюджет, а затем вернулся на Гидру, чтобы подготовиться к предстоящей кампании.

⁵ Василики была молодой греческой девушкой, которая, не зная Али, бежала к нему за защитой от солдат, которые по его приказу разрушали ее родную деревню Плихивицу и истребляли ее жителей. Сердце тирана было растоплено, он спас ее, а также ее мать и братьев, и, поместив Василику в свой гарем, преданно привязался к ней. Он никогда не пытался заставить ее сменить религию и всегда относился к ней с доверием и добротой. Влияние, которым она обладала на его ум, Василики никогда не использовал только во благо. Его привязанность к семье была единственной искупительной чертой в характере тирана.

В начале февраля турецкий флот под командованием капитан-бея и Исмаила Гибралтара, египетского адмирала, вышел в море и взял курс на Гидру – по полученным частным сведениям, жители острова разделились в своих настроениях, причем сильная сторона выступала за подчинение султану.⁶

Однако на назначенные сигналы не последовало ответа, и вице-адмирал, подозревая, что его обманули, не рискнул попытаться высадиться. Он продолжил свой курс на Патрас в соответствии со своим первоначальным намерением. Когда он удвоил мыс Матапан, его авангард был атакован греками, а некоторые транспорты вытеснены на берег. Прибыв в Наварино, было решено сделать попытку восстановить эту крепость: 700 или 800 человек были высажены на берег, и флот подошел к проходу между островом Сфактерия и материком, ведущему в порт. Греческим гарнизоном командовал Анагностара; граф Норманн, генерал кавалерии на вюртембергской службе, и еще около тридцати офицеров прибыли туда недавно, и батареи были отданы под их командование.

Туркам позволили высадиться без сопротивления и подойти на 200 шагов к валам. Была надежда, что корабли уйдут и покинут их, но иноземцы, проявив нетерпение, открыли по ним сильный и жестокий огонь. Турки, охваченные ужасом, бежали к берегу; христиане преследовали их и убили небольшое количество; остальные поднялись на борт и спаслись.

Турецкий флот направился в Занте, где пробыл несколько дней; затем он отплыл в Патрас и высадил на берег подкрепление, состоящее в основном из египтян. Поскольку большинство из них заболело чумой, лалаоты категорически отказались впускать их в стены крепости, и они оставались в лагере снаружи, пока болезни и голод не уничтожили их.

3 марта греческий флот под командованием Андрея Миовлиса Вокоса, который, согласно установленной ротации, сменил Томбасиса на посту наварха, и с преподобным Антемием, патриархом Александрийским, на борту, появился в поле зрения. После небольшого боя турки бежали и укрылись под пушками Лепанто: в Малых Дарданеллах 8-го числа у мыса Араксес произошел сильный бой, в ходе которого грекам удалось сжечь несколько турецких транспортов и отделить несколько барбарийских кораблей от остального флота, который они уничтожили бы, если бы не сильный шторм, разыгравшийся в ночь на 9-е число. Турецкий флот постарался вернуться в Геллеспонт, сумев лишь высадить часть войск в Патрасе, где им суждено было погибнуть от болезней и меча врага. Греческий флот разделился, отправив дивизии крейсировать в разных частях; а 13 марта (по старому стилю) правительство объявило о блокаде всех портов, занятых врагом, от Эпидамна кругом до Салоник, включая Спорады, острова Эгейского моря и Крит.

Как мы видели выше, существовала прекрасная возможность провести мощную диверсию в пользу греков на севере Фессалоники, отправив подкрепление из офицеров, артиллерии и боеприпасов храбрецам Олимпа и его окрестностей. Месье Райбо подготовил все необходимое для артиллерии на островах; но промедление Салы, неумелого командира, назначенного Гипсилантисом, было таково, что турки успели подавить восстание. Греки этой страны сожгли свои жилища и искали убежища для себя и своего скота в горах, и ничто, кроме перспективы мощной поддержки, не могло теперь разжечь их мужество и побудить их снова спуститься на равнину.

Поэтому, очевидно, было бесполезно пытаться с теми небольшими средствами, которые были в их распоряжении, что-либо предпринять в Фессалии. Месье Райбо был настолько убежден в этом, что вернулся в Морею; но Сала, проявив активность в тот момент, когда активность только вредила, отплыл с одним бригом из Миконоса в Фессалию. Турки позволили ему выса-

⁶ По словам Пукевиля (iii. 409), некоторые из главных капиталистов Гидры подумывали о том, чтобы удалиться со своим имуществом в чужие страны, и это была уловка современного Фемистокла, имя которого он пока не считает нужным называть, чтобы помешать им.

даться без сопротивления, намереваясь, если он продвинется вглубь страны, встать между ним и морем и отрезать его от судна. Ни один грек не присоединился к нему до вечера следующего дня, когда 200 человек осмелились спуститься к нему с гор. Сала, вместо того чтобы подняться на борт и удалиться, когда стало ясно, что он ничего не добьется, высадил свои пушки, хотя у него был только один офицер, М. Лезонски, чтобы направлять их.

Рано утром следующего дня турки, видя, что бриг не собирается уходить, предприняли атаку на греков. Событие ни на минуту не вызывало сомнений: греки были подавлены числом, и большинство из них погибло. Некоторые спаслись на корабле, другие, среди которых были Сала и М. Лезонски, добрались до гор. Все пушки попали в руки врага. Сала, с огромными трудностями пробравшись через горы в Беотию, через тридцать пять дней после поражения прибыл в Коринф только с четырьмя своими спутниками; остальных он бросил, когда их одолел голод или усталость. М. Лезонского, потерявшегося или покинутого, примерно в шести или восьми часах пути от Карпеницы, деревни к югу от Сперхия, нашли пастухи и привели в эту деревню; через некоторое время он присоединился к греческой армии, когда она вошла в Эпир.

Афинский Акрополь уже несколько месяцев был осажден греками. Афиняне вскоре после начала восстания удалились со своими семьями и большей частью имущества на остров Саламис, оставив турков хозяевами города. Последние, хотя и отличались более мягким характером, чем турки в целом, грабили дома и опустошали окрестности. Каждый день они гнали перед собой стада и отары, стариков, женщин и детей. Но их опустошения были быстро пресечены, так как маленький остров Саламис не мог прокормить такое количество людей, мужчины острова и их гости перебрались на континент, где, присоединившись к крестьянам Мегары и Леусины (Элевсиса), вели мелкую войну против афинских турок. Обширная равнина, засаженная оливами, простирающаяся на левом берегу Кефиса, была удобным местом для засад, и они почти ежедневно наносили туркам потери. Последние, поскольку их число было невелико, уже не решались покидать город; не имея возможности охранять большую протяженность стен, они каждый вечер уходили в Акрополь, оставляя несколько солдат у главных ворот. Горстка греков, воспользовавшись темнотой, взобралась на стену и перебила стражу одних из ворот; двое или трое из них, однако, сбежали, дав знать остальным, и турки заперлись в цитадели. Поскольку у них было мало провизии, ожидалось, что вскоре они будут вынуждены сдать его во второй раз, когда к нему подошел Омер Брионес. Этот вождь, находившийся с 1500 человек у Негропонта, поспешил в Афины, узнав о положении дел там. Пробыв в городе двенадцать дней, сжигая и грабя дома греков и снабдив крепость продовольствием, он отправился в Эпир, взяв с собой несколько наиболее боеспособных афинских турок; не встретив никаких препятствий, он добрался до лагеря Хооршида.

После отъезда Омера Брионеса турки вернулись к своему старому плану – выставить стражу на стенах и каждую ночь уходить в цитадель. Выждав несколько недель, греки ночью бесшумно взобрались на стены и расположились по всему городу, намереваясь дожидаться утреннего прихода турок и, воспользовавшись их неожиданностью, ворваться в цитадель вместе с ними. Но, к несчастью, в Афинах, как и во всех восточных городах, было полно собак, и эти животные всю ночь так лаяли и выли, что турки заподозрили опасность и, вместо того чтобы, как обычно, спуститься утром, послали двух старых рабынь осмотреть место. Не вернувшись, они снова затворились. Греки овладели городом, большая часть из них вернула свои семьи из Саламиса и занялась своими обычными делами.

Греки не переставали разрабатывать планы, как сделать себя хозяевами цитадели, в которую сейчас, как и в древние времена, есть только один вход, у Пропилеи. В нескольких футах от нее находились небольшая мечеть и кофейня, в которой турки держали караул из пятидесяти человек для охраны колодца, находившегося примерно в пятидесяти шагах от цитадели. Однажды ночью греки бесшумно подошли к этому месту и обрушились на стражу, большин-

ство из которой спало. Часть из них они перебили, часть проникла в цитадель и успела захлопнуть ворота, прежде чем греки смогли до них добраться; большая же часть укрылась в пространстве между цитаделью и развалинами театра Вакха, откуда их товарищи затащили их одного за другим в сооружение из матрасов, защищавшее их от огня греков, которые в то же время были ограждены огнем со стен.

Греки тщетно пытались сжечь ворота Акрополя; но поскольку турки не успели наполнить две прекрасные цистерны, которые в нем находятся, и теперь были отрезаны от колодца, так как греки владели мечетью, они испытывали все страдания от жажды, которые становились вдвойне мучительными от вида многочисленных прозрачных фонтанов города.

Таково было положение дел в Афинах, когда в декабре 1821 года туда прибыл М. Райбо, предоставивший подробности, которые мы только что привели. Греки ожидали, что этот офицер сможет придумать какой-нибудь способ заставить турок сдаться; но когда он ознакомился с высотой и мощью города, то увидел, что никакие средства, которыми располагали греки, не позволят им продвинуться дальше, чем они уже сделали, и что бросание бомб только повредит те памятники древности, которые еще остались. Поэтому он, к большому неудовольствию греков, рекомендовал им терпение и строгую блокаду.

Греки, расположившиеся в мечети, находились так близко к туркам, что между ними непрерывно велись разговоры, состоявшие почти сплошь из оскорблений и поношений. Одно выражение турок показалось М. Райбо несколько примечательным. Услышав, что греки называют себя эллинами, они сказали: «Что вы имеете в виду? Разве мы не эллины, как и вы? Разве мы, как и вы, не происходим от древних греков?». В связи с этим они предложили приостановить военные действия. Греки, хотя все преимущества от этого были бы их, ответили лишь оскорблениями и сарказмом. Тогда турки стали бросать на крышу мечети бомбы и мраморные глыбы, чтобы завалить ее, но греки так прочно укрепили ее внутри, что она устояла перед всеми их попытками. Продолжив энергичную канонаду до вечера, турки завершили день, как они обычно делали, громким пением, сопровождаемым звуками хатбоев и барабанов, на стенах Акрополя.

Нельзя обойти молчанием и судьбу Элиаса, сына Петра Мавромихалиса. Этот доблестный юноша за несколько дней до того времени, о котором мы пишем, прошел через Афины с 700 маниотами, чтобы помочь жителям Негропонта в блокаде Каристоса, ибо там, как и в других местах, греки восстали против своих хозяев. Элиас отличился в разных делах и нанес осажденным немалый урон, когда однажды они собрали все свои силы, выступили вперед и погнали греков перед собой. Элиас и молодой человек из уважаемой семьи с острова Тинос тщетно пытались их собрать. Не желая разделить их бегство, они бросились в мельницу, за которыми последовали несколько их солдат, решив скорее погибнуть, чем сдаться или бежать. Турки, после тщетных попыток взять мельницу, предложили им жизнь; предложение было отвергнуто, и когда все их боеприпасы были израсходованы, и они знали, что голод должен отдать их в руки врагов, храбрые юноши решили скорее умереть от рук друг друга, чем капитулировать. Все они обратили друг против друга свое оружие, обагренное кровью неверных, и турки, войдя в мельницу, не нашли там ничего, кроме безжизненных тел, за которые можно было отомстить.

Теперь мы возвращаемся в Коринф, куда в апреле месяце прибыли генерал Нормора и Рансом из Харема Хуршида. 23 теми иностранцами, которые высадились вместе с ним в Наварино. Теперь число иностранцев в Коринфе составляло 150 человек.

В то время, когда конгресс заседал в Коринфе, Хуршид-паша вступил в переговоры о выкупе своего гарема и своей киаи. Он убедил сэра Томаса Мейтленда заинтересоваться этим делом; агентом, которого он нанял, был зантиотский врач по имени Панайотис Стефанос. Греки требовали 80 000 долларов (16 500 ливров), а также освобождения части семьи Марка Бочариса и нескольких греческих примасов, которые были пленниками в руках турок. Во вто-

рой половине апреля два английских брига вошли в залив Лепанто и бросили якорь перед Коринфом; на борту одного из них находился Панайотис Стефанос с частью выкупа. В Триполищу немедленно был отправлен экспресс, предписывающий доставить пленников в Коринф без промедления; и на третий день честные пленники прибыли, не слишком довольные тем, что снова попали в руки своего старого господина, чьего гнева многие из них имели слишком много оснований опасаться.⁷

Примерно через десять дней после ухода гарема визиря прибыл английский фрегат с оставшейся частью выкупа, чтобы принять кияя и попросить некоторых объяснений по поводу недавно объявленной блокады. Капитан и его офицеры дождались президента, который принял их со свойственной ему любезностью; когда они попросили разрешения осмотреть цитадель, оно было с готовностью предоставлено; но в знак того, что они считают его виновным в своем поведении по отношению к ним и их делу, правительство не позволило английскому консулу в Патрасе, который находился на борту фрегата, даже высадиться на берег. Кияя и еще пять или шесть турок были посажены на фрегат, и Пелопоннес был избавлен от присутствия этого свирепого чудовища.

В это время Марк Боцарис прибыл в Коринф, чтобы узнать, было ли оговорено освобождение его семьи. Известность его имени сделала его объектом любопытства. Солиотский герой был одет в простой жилет из синей ткани, поверх которого накинул свой белый плащ из козьей шерсти, а к поясу пристегнул грубо сделанный пистолет. Первым к нему подошел Теодор Колокотронис, богато одетый и вооруженный, что было плодом его корыстолюбия. Контраст был разительным, и Колокотронис, похоже, осознал его и удалился в некотором замешательстве. На следующий день он пришел в своем клефтийском платье, грубом, солдатском и грязном. Боцарис поднялся, подал ему руку: «Теперь, – говорит он, – ты одет как храбрец». Он расспросил о подвигах мореотов и показал не только жестокость, но и нецелесообразность резни, учиненной ими в Триполище и других местах; ведь если бы, по его словам, жители этих городов были отправлены в целости и сохранности в Патрас, Корон и Модон, то эти места вскоре были бы вынуждены сдаться, а греки избежали бы упреков в жестокости и нарушении веры, которым они себя подвергли.

Простодушный Сулиот мало знал о характере человека, к которому обращался. В лице А. Маврокордатоса он нашел аудитора совсем иного толка. Когда он объявил ему о своем намерении приложить все усилия для помощи Соли, Боцарис сказал ему: «Ты носишь титул князя, сохрани его; это необходимо для нас; подготовь армию в 10 000 человек и акты независимости для некоторых албанских беев. Не ставь себя во главе экспедиции, чтобы не навлечь на себя зависть, следуй за мной на расстоянии; я открою тебе дорогу в Эпир и сделаю половину Албании данником Греции».⁸

Было решено, что как можно скорее одна армия должна войти в Эпир, чтобы дать работу войскам Коршида, а другая направиться в Фермопилы, чтобы не дать армии, собранной в Фессалии, проникнуть в Ливадию.

⁷ Говорят, что Хуршид, по турецкой моде, утопил нескольких из них после того, как они прибыли в Джаннину.

⁸ Авторитетом для нас в этих деталях является любящий эффекты Соуцо, который говорит, что получил их от Христаоса Андроса, сопровождавшего Марка Боцариса в Коринф.

Глава II

Состояние Хиоса – Восстание на острове – Резня жителей – Нападение на Афинский Акрополь – Война в Фессалии – Депутаты, убийство Одиссеем – Нападение на турецкий флот на Хиосе – Сожжение двух турецких воинов – Возобновление резни на Хиосе – Высадка египтян на Крите – Смерть Балесты.

Пока правительство в Коринфе готовилось встретить бурю, которая вот-вот должна была обрушиться на него из Эпира и Фессалии, несчастный остров Хиос был опустошен варварскими ордами османов, а его жители подверглись резне, подобной которой не было в другие периоды войны.

Жители Хиоса, находясь под покровительством дам императорского гарема, пользовались преимуществами, неизвестными их соотечественникам в целом. Здесь процветали торговля, сельское хозяйство и мануфактура. Население острова, составлявшее 120 000 душ, было почти исключительно христианским: 30 000 человек проживали в столице острова; остальные были распределены между семьдесятю деревнями, двадцать одна из которых была посвящена выращиванию мастики.⁹

Правителем острова был назначаемый султаном мусселим (субпаша), которого, если его поведение не нравилось жителям, немедленно смещали. Каждый год жители выбирали себе четырех геронтов, или сенаторов, один из которых всегда был прихожанином латинской церкви, так как часть жителей была прихожанами. Эти магистраты были неоплачиваемыми; они выступали в роли судей и управляющих общественными делами, и очень редко мусселимы отменяли какие-либо их решения. Геронты также распределяли и собирали ежегодную дань, которую следовало платить капитону-паше, и выполняли все обычные и чрезвычайные требования правительства.

Под таким мягким управлением, а следовательно, в процветании и счастье, киоты создали различные общественные учреждения. У них была академия, насчитывавшая 600 учеников, библиотека, содержащая до 6000 томов, типография, больницы и лазаретто. Хиос стал Афинами современной Греции, и его жители, естественно, были не склонны рисковать, навлекая на себя ярость османов, которой, как им казалось, они были так мало в состоянии противостоять.

Поэтому, когда в предыдущем году гидраоты и ипсариоты так неосмотрительно попытались распространить пламя восстания на этот счастливый остров, сенаторы Киота умоляли их удалиться и приняли решение зарезервировать себя для более благоприятного случая. Геронты и архиепископ Платон, чтобы успокоить опасения турок, с готовностью подчинились приказу прийти в качестве заложников в цитадель.

Однако Порта, почувствовав подозрения, послала на Хиос пашу с 4000 или 5000 солдат, чтобы усилить гарнизон, привести форт в состояние обороны и разоружить жителей. Турки потребовали еще десять заложников под предлогом разрешения первым четверем отправиться к своим семьям. Однако все они были оставлены, к ним добавили еще двадцать, а затем сорок, так что в итоге их число составило семьдесят четыре главы главных семейств острова. К людям применялись все виды притеснений под предлогом их заинтересованности в деле повстанцев, а свирепые солдаты совершали по три-четыре убийства в день.

11 марта (по старому стилю) 500 саамийцев и 150 хиотов с двумя полевыми орудиями высадились в бухте Святой Елены, в полутора лигах к югу от города Хиос. Самийцами

⁹ Raybaud, (ii. 210), Pouqueville (iii. 437, et seq.) называет 90 000 жителей, из которых 6000 были магометанами, шестьдесят восемь деревень, двадцать две – мастичные деревни.

командовал Ликург Логотетис, уроженец Самоса, который большую часть своей жизни провел в Смирне. Он, вероятно, был членом Гетайрии, был смелым и предприимчивым человеком и, как только вспыхнуло восстание, вернулся на родной остров, где сумел стать своего рода диктатором. Чиотских изгнанников возглавлял Антонаки Борниа, который был на французской службе, но некоторое время жил в своей родной деревне Врондадо на Хиосе. Во время осады Триполицы он предложил Гипсилантису поднять этот остров, но его средства оказались настолько недостаточными для выполнения задуманного, что принц не прислушался к его словам. Тогда он удалился на Самос, где хиосские эмигранты сделали его своим вождем, и, убедив саамийцев в выгодности предприятия, предложил им присоединиться к изгнанию турок с Хиоса.

Сразу же после высадки они с громкими криками бросились на турок, которые после слабого сопротивления бежали и затворились в цитадели. На следующий день они приступили к созданию провизионного правительства, состоящего из шести магистратов, называемых эфорами. Эти магистраты немедленно приступили к разработке мер для энергичного продолжения осады; осознавая недостаток средств, они отправили двух депутатов к правительству Коринфа с просьбой о совете и помощи. Их просьбы были удовлетворены; в их распоряжение были предоставлены две мортиры, шесть таранных орудий и несколько иностранных офицеров для управления артиллерией. К сожалению, тринадцать дней ушло на приготовления, и время, которое уже никогда нельзя было вернуть, было потрачено впустую.

Тем временем киоты получили боеприпасы и несколько артиллерийских орудий с соседних островов; были возведены батареи, которые начали обстреливать цитадель. Но среди них начались разногласия: крестьяне столпились вокруг Борнии, привлеченные, вероятно, трехцветной кокардой Французской республики, которую он вывесил на своей шляпе; и, опираясь на свое влияние, он отказался признать верховенство Логотетиса, сказав, что будет хозяином в своей стране и его воле будут повиноваться. С другой стороны, саамский вождь обращался с киотами как с покоренным народом и потребовал от них огромную сумму на покрытие расходов по экспедиции. Многие жители, охваченные тревогой, готовились покинуть остров, опасаясь последствий отсутствия согласия и подчинения.

Только в начале апреля хиосские депутаты и помощь, которую они везли, достигли Ипсары – из-за встречных ветров они провели в пути из Коринфа восемь дней, и за время их отсутствия дела на Хиосе приняли роковой оборот.

Получив сведения о восстании на Хиосе, Порты приказала капитанпаше без промедления пройти через Дарданеллы. В полдень 30 марта (по старому стилю) его флот, состоящий из семи линейных кораблей и двадцати шести фрегатов или корветов, появился у порта Хиоса. Он начал обстрел города и лагеря греков, и первые же выстрелы привели их в смятение. В то же время гарнизон крепости предпринял вылазку и заставил осаждающих оставить город и удалиться в деревню Святого Георгия, расположенную в четырех лигах от него, куда за ними последовала часть жителей.

Турки, не считая себя еще достаточно сильными, чтобы осуществить задуманное, решили усыпить бдительность своих жертв, пока капитан-паша собирал в бухте Чесме полчища свирепых и фанатичных азиатов, которые должны были стать их мясниками. Агентами, которых они выбрали для обмана греков, были консулы христианских держав; и эти люди – либо сами обманутые,¹⁰ как мы охотно поверим, хотя такое незнание турецкого характера удивительно, либо соучастники предательства, как громко обвинили их греки, – согласились быть носителями предложений грекам и ручательствами за добрую волю турок.

¹⁰ Следует помнить, что киоты всегда пользовались особой благосклонностью Порты, и консулы могли легко предположить, что султан отнесется к ним снисходительно, тем более что мастиковые деревни были его частной собственностью.

Французский консул, который был уже пожилым человеком и удалился в Смирну, когда на Хиосе вспыхнуло восстание, остался представлять его, сопровождал Юдоотци, английского агента, и австрийского консула в миссии к повстанцам, чтобы предложить им помилование от имени султана, если они сложат оружие; они использовали все аргументы, чтобы склонить людей принять эту амнистию. Некоторые жители поддались на их обещания и покорились. Их тут же собрали в монастыре Святого Минаса, а на следующий день вывели по 200 человек и зарезали.

Три дня, которые заняли эти операции, дали азиатам время собраться на побережье; и каждый миг небольшие лодки высыпали на берег Хиоса. Первым делом они сожгли город и церкви, уничтожили все общественные памятники, а в больницах расправились с немыми, слепыми, престарелыми и неизлечимыми. Затем они начали распространять свои опустошения на всю страну.

Греки, числом 1500 человек, расположились во Врондадо, против них выступил отряд из 3000 азиатов, но был отбит и загнан под пушки крепости. Получив подкрепление, они с яростью бросились в атаку и заставили повстанцев отступить, потеряв 160 человек. Греки, однако, отступили в полном порядке, защищаясь от врага с большим мужеством; одна из их женщин, как было замечено, убила трех турок своей рукой, прежде чем упала сама, возле церкви Святого Коринфа. Они остановились на некоторое время у подножия горы Эпос, и большая их часть бежала в Ипсару.

Позиция греков в Тимиане была атакована с теми же результатами. На небольшом расстоянии от нее на берегу стояла небольшая батарея; против нее враг послал отряд, который должен был поддержать стрельбой с фрегата; но это судно село на мель, греки пробрались к нему через воду, забрали боеприпасы и сожгли.

Самианцы и хианские эмигранты заняли позицию на некотором расстоянии от города, и тысячи несчастных людей собрались за ними, ожидая результатов конфликта. Он был недолгим: греки сдавались и бежали, одни в одну сторону, другие в другую. Солдаты и крестьяне, женщины и дети, старики и молодые, разбегаются в разные стороны, преследуемые свирепыми мусульманами; тысячи людей истреблены безжалостными дикарями, не щадящими ни возраста, ни пола; матери, чтобы спастись самим и уберечь своих детей от более жестокой участи, сбрасывают их со скал и обрывов. Остров изъезжен во всех направлениях; дома сожжены, жители истреблены. В течение пятнадцати дней резня продолжалась без перерыва. Более половины населения было истреблено или обращено в рабство. Тысячи людей прятались в горах и тайных убежищах, пока с Ипсары и других островов не пришли корабли, чтобы снять их и рассеять по архипелагу.

Большое войско турок напало на богатый монастырь Неамони, где укрылась толпа женщин и детей. Они ворвались в монастырь, зарубили монахов, сделали несчастных женщин жертвами своей похоти и, собрав всю священную утварь и сокровища этого места, разделили их, а также женщин и детей на жребии, чтобы забрать с собой. Тогда их осенила мысль, что если они продадут обесчещенных ими женщин, то их собственное потомство может стать рабами. Их фанатичная гордость была уязвлена этой мыслью, и они, выхватив свои понииарды, зарубили тех, кого только что сжимали в своих объятиях.¹¹

Потребовалось более пятнадцати мулов, чтобы увезти все драгоценности, найденные в монастыре Неамони.

Монахини монастырей Халандра и Калимасия, а также несколько семей, не успевших спастись, укрылись в башне высотой в три этажа. Придя туда, турки распахнули двери, принесли женщин в жертву своей похоти, схватили находившихся там священников, выкололи им

¹¹ Pouqueville, iii. 474.

глаза, а затем сожгли заживо. К счастью, они забыли про третий этаж, и тем, кто в нем находился, удалось спастись.

Молодая пара по имени Мике и Херонима Факаро была настигнута своими преследователями, когда они убегали. В мужа попал мяч, и он упал; жена потеряла сознание рядом с ним. Не обращая внимания на ее красоту, грубияны отрезали ей четыре пальца, чтобы убедиться, что она жива. Поскольку крови не было, они оставили ее, нанеся ей несколько ударов своими ятаганами. Оправившись от обморока, Иеронима позвала мужа и, к своей великой радости, обнаружила, что он только ранен. Они встали и медленно пошли к берегу моря, надеясь попасть на борт какого-нибудь судна; но тут они встретили новых врагов; муж был убит, а жену утащили в рабство.¹²

Когда один из отрядов греческого флота высадился на берег и направился в глубь страны, чтобы увидеть, какое опустошение было произведено, и попытаться спасти тех жертв, которых они могли встретить, они услышали громкие крики, доносящиеся из оврага, недалеко от разрушенной деревни. Поспешив туда, они обнаружили молодого человека, сражавшегося с тремя турками; за ним стояла девушка, чьи крики привлекли их к этому месту, и два священника, также пытавшиеся защитить ее. При виде греков турки обратились в бегство; один из них был убит, а двое других вынуждены были бросить своих лошадей. Старший из священников рассказал, что со времени высадки турок он и его коллега укрылись в этой пещере; последний каждую ночь выходил из нее и отправлялся в поле на поиски фруктов и овощей для своего пропитания. Во время одной из таких ночных вылазок он встретил молодую пару, которая, после того как за ней весь день охотились неверные, спаслась от них благодаря ночи. Их семьи были истреблены или обращены в рабство; молодой человек получил несколько ран, защищая свою госпожу; он видел, как на его глазах уносят его сестру, не имея возможности оказать ей помощь. Греки отвезли молодую пару в Ипсару; старый священник, которому было более семидесяти лет, отказался покинуть свою пещеру, сказав, что оставляет на попечение небес короткое время жизни, которое ему осталось, и которое не стоит того, чтобы брать на себя столько хлопот по его спасению.¹³

Когда турки опустошили весь остров, они вернулись в город, ведя за собой пленников. Примасов деревень заставили идти перед ними, неся штандарты; несколько пленников были убиты, остальные проданы за низкую цену. Архиепископа и заложников вывели из замка и повесили на берегу в восемь параллельных линий. Двое из них, Фона и Мени, умерли, произнося проклятия и пророчества против своих убийц. Турки в насмешку намотали тюрбан на голову мертвого архиепископа и выставили его в таком виде перед своими пленниками.

Консульские агенты христианских держав покрыли себя позором, продавая свою защиту таким несчастным жертвам, которые искали убежища в их домах. Два примаса, получившие убежище в консульских домах Франции и Австрии, должны были заплатить 100 000 пиастров; бедняков, которые не могли ничего заплатить, изгоняли из них. Следует, однако, заметить, что большую часть этих агентов составляли так называемые левантйские арабы, раса почти столь же развращенная, как греки или турки.¹⁴

Некогда прекрасный и плодородный остров Хиос теперь представлял собой одну из сцен запустения, ни одна его часть, за исключением южного района, не была пощажена. Около 20 000 его жителей были истреблены, 30 000 угнаны в рабство, а большая часть оставшихся рассеяна в нищете и бедности по островам и Морее.

В апреле в окрестностях Фермопил произошел еще один конфликт между греками и варварами. Гипсилантис покинул Коринф в начале марта в сопровождении Никиты и 1200 пело-

¹² Впоследствии она излечилась от ран, была выкуплена и вернулась к своей семье, пройдя через несколько рук.

¹³ Журден.

¹⁴ Большая часть предшествующих подробностей взята у Райбо.

понесцев и отправился в Афины. По его прибытии греки решили попытаться взять Акрополь штурмом. «В день, назначенный для штурма, архиепископ Афинский совершил обряд посреди лагеря, и воины, распростершись перед грубым алтарем из камней, поклялись на Евангелии смело встретить смерть. Увенчав себя ветвями лавра, благословенными прелатом, они удалились в дома, чтобы, согласно обычаю, отпраздновать свой погребальный пир. В полночь, облачившись в лучшие одежды, с пистолетом и мечом в руках, они подошли к Акрополю. Внезапно цитадель осветилась, словно по волшебству; на нападавших обрушился ливень из черепицы, факелов и шаров, которые после нескольких тщетных попыток отступили, покрытые ранами. Австриец открыл врагу их замысел».¹⁵ Гипсилантис, предложив осажденным почетную капитуляцию, но получив отказ, отправился в Дистомо, где встретился с Одиссеем.

Из следующей депеши Одиссея в сенат следует, что до прибытия Гипсилантиса в греческий лагерь произошло несколько серьезных сражений.

Собранное в Лариссе войско под командованием Мухаммеда Драмали разместило свой штаб в Таумакосе, заняло Патраджик и усилило гарнизон Зейтони. Затем сер-аскер двинулся к Элладе (Сперхию) и расположился лагерем в Алламане.¹⁶

«До этого времени, – говорит Одиссей, – мы держали оборону; но, получив известие, что турки сосредоточили свои силы в Зейтони и Патраджике, которые являются ключами Фессалии, мы решили выбить их с этих позиций. Пелопоннесские войска, находившиеся под командованием Никиты и Ятрако, составляли 3000 человек, а вся наша армия насчитывала около 8000, из которых мы сформировали две дивизии. Первая, под командованием Никиты, Одиссея и Диовонитиса, должна была направиться против Зейтони; вторая, под командованием Деметрия Контояниса и Эрве Гураса, выступила в сторону Патраика, после согласования способа и времени нападения, которые были определены на военном совете.

«В Страстную пятницу, 31 марта (по старому стилю), первая дивизия была высажена в Палеохори, деревне напротив Литады, на острове Эвбея, на семи судах, которые сопровождала толпа мистиков, или барков. Мы не переставали молить Бога об успехе нашего оружия и в Святую субботу, 1 апреля, с рассветом начали высадку в порту Эхинос, недалеко от Стелиды. Все шло хорошо, но едва мы высадили на берег 300 человек, как турки выступили против нас с войском, вчетверо превосходящим нас по численности и состоящим в основном из кавалерии. Наши солдаты отступили к морю, где, получив подкрепление в виде 500 наших людей, снова перешли в наступление. Турки были вскоре разбиты, потеряв тридцать человек и шесть пленных, и были вынуждены немедленно покинуть Стелиду, где они оставили шестьдесят шептаров, которые сохранили свой пост и были сожжены заживо в трех домах, в которых они окопались.

«Тем временем Одиссей с семьдесятю решительными палицариями высадился в деревне Санта-Марина, расположенной недалеко от моря, в трех лигах от Зейтони, и занял позицию, разгромив 200 турок, из которых убил треть; наступила ночь, и началась подготовка к сражению, которое должно было состояться на следующий день.

«Это был день Пасхи. Турки, в количестве 3000 конных, пеших и артиллерийских, выступили против Санта-Марины, где находился Одиссей, получивший за ночь подкрепление в 130 человек. Его энергично атаквали, но усилия врага были безуспешны из-за сильной позиции деревни Санта-Марина, хотя дело затянулось до вечера.

«Одиссей послал известить Никиту о случившемся, и тот решил присоединиться к нему; отправившись с 1000 человек, он пробился сквозь варваров, в то время как Диово-

¹⁵ Soutzo, 187. Об этом нападении на цитадель упоминает и Райбо, но, разумеется, в более простых выражениях. Поскольку данная статья не претендует на роль критической истории, я не стесняюсь следовать за этим автором в деталях, когда знаю, что основные обстоятельства верны. Однако, судя по словам Райбо, Гипсилантис не присутствовал при этом событии.

¹⁶ Расхождение между докладом Одиссея сенату, приведенным Пукевилем (iii. 398), и докладом Соуцо, полученным, как он говорит, из MS. Апологию Д. Гипсилантиса, написанную им самим, нелегко примирить.

нитис, высадивший своих людей, направлялся к тому же пункту, куда все они благополучно прибыли.

«На следующий день, в пасхальный понедельник, турки, думая, что войска, оставшиеся в Стелиде, рассеялись, двинулись со всеми своими силами против Одиссея, таща за собой пушки и мортиры, чтобы выбить греков с их позиций. Сначала они выпустили более сотни пушечных ядер и столько же снарядов, но, подойдя вплотную к христианам, которые отвечали им лишь патриотическими песнями, Одиссей и Никита решили, что пора с этим покончить. Сложив оружие и предложив своим солдатам взять, как и они, мечи в руки, они бросились на неверных, которых избили и преследовали на протяжении лиги пути.

«Потери турок в этот и предыдущие дни составили пятьсот человек убитыми, греков – тридцать убитых и пятьдесят восемь раненых. С этого времени обе стороны сохраняли спокойствие.

«Тем временем дивизия Контояниса овладела Патрадзиком, а турки, вынужденные переправиться через Элладу, расположились в Лиано Клади, деревне, расположенной на равнине, где они надеялись удержаться с помощью своей кавалерии».

Из этого сообщения, какими бы ни были его претензии на достоверность, ясно, что Никита и пелопоннесцы участвовали в боях под Фермопилами в начале апреля (по старому стилю), но не похоже, что среди них был Гипсилантис – обстоятельство, которое, казалось бы, должно было бы подкрепить утверждение о том, что он был с частью пелопоннесцев в Афинах.

В то время, когда Гипсилантис присоединился к армии, турки, получив сильное подкрепление, вынудили ее отступить. Греки, хотя и уступали в численности, решили напасть на них, чтобы не допустить их проникновения в Беотию. Силы греков оцениваются в 5000 человек, турков – в 15 000 человек. Греки разделили свои силы, чтобы напасть на врага сразу в нескольких местах. Контоянису было приказано занять их справа, овладев высотами горы Катавотра (Эта). Гипсилантис должен был занять позицию в центре, чтобы поддержать Одиссея и Никиту, а Эрве Гурас должен был действовать в тылу османской армии. Это произошло примерно в середине мая, и Мухаммед Драмали был отбит со значительными потерями. Среди пленных был его племянник.¹⁷ Через некоторое время после этого поражения турок правительство, по наущению Теодора Нигриси и, возможно, Гипсилантиса, решило лишить Одиссея командования, которое, по их мнению, он выполнял слишком независимо. Однако было нелегко напасть на него в окружении его преданных палиц, которые не признавали почти никакого авторитета, кроме его. Поручение, однако, было дано Александру Ноотзасу, который после смерти своего покровителя, Али-паши, сердечно встал на сторону своих соотечественников; и Паласкасу, человеку, который с честью служил в русской армии.

Согласно рассказу, предоставленному М. Райбо¹⁸ французом, прикомандированным к Гипсилантису и находившимся неподалеку от этого места, оба посланника в сопровождении небольшого эскорта без всяких препятствий прибыли в лагерь Одиссея.

Они начали с того, что сделали ему несколько смущенных комплиментов и оправдывались за неприятную должность, которую им поручили. Одиссей не выказал никакого неудовольствия, и его поведение убаюкало их. Он пригласил их на ужин и, поскольку час был поздний, попросил их отложить разговор о цели их миссии до следующего дня.

Когда ужин был подан, они приняли его без всяких подозрений, потому что Одиссей не позволил себе ничего такого, что могло бы их встревожить. Они долго сидели, разговаривая о любопытных вещах, не имеющих отношения к тому предмету, ради которого они пришли. Вдруг шатер наполнился вооруженными людьми. «Братья! – сказал Одиссей, – довольны ли

¹⁷ Это рассказ Соуцо.

¹⁸ Raybaud, ii. 204. Этот француз, М. Н. из Меца, в течение нескольких лет был учителем математики Д. Гипсилантиса в доме его отца в Киссаро.

вы мною с тех пор, как служите под моим началом?» – «Да» – «Ну что ж, тогда они послали Нутсаса и Паласкаса сместить меня. Готовы ли вы отдать себя под их командование?» – «Нет, нет», – закричали они. Тогда, обратившись к испуганным помощникам, он сказал: «Видите, – сказал он; и, взглянув на своих людей: – Идите, избавьте меня от моих врагов», – Нуцас и Паласкас мгновенно упали, пронзенные ранами.¹⁹

Правительство не сочло себя достаточно сильным, чтобы попытаться наказать автора этих убийств, и это злодеяние только возвысило Одиссея в глазах незаконных клефтов Аграфы и ее окрестностей.

Греческий флот под командованием адмирала Миоулиса отплыл с Гидры 12 и 15 мая и взял курс на Хиос, чтобы получить некоторое удовлетворение за расправу над несчастными жителями этого острова и спасти как можно больше из них. На его борту находились капитан Журдэн из королевского флота Франции (который и предоставил следующие подробности), офицер, недавно пришедший предложить свои таланты на службу греческому делу; лейтенант Гастингс из английского флота, который уже некоторое время участвовал в добром деле; и несколько других иностранцев.

Часть греческого флота блокировала турецкую эскадру в Хиосском проливе, а остальные корабли занимались тем, что снимали несчастных хиотов. 30-го числа было решено атаковать флот противника следующей ночью. Соответственно, в восемь часов вечера 31-го пятнадцать военных кораблей и три брандера под командованием адмирала Миоулиса вошли в пролив через узкий проход на севере между Хиосом и островом Стробли, одним из Спалмадских островов. Остальной флот держался в стороне, недалеко от входа в пролив, образуя линию, протянувшуюся от северной точки Хиоса до побережья Азии. Турецкий флот состоял из шести линейных кораблей, девяти фрегатов, нескольких корветов и других судов, всего сорок четыре паруса. Флот греков, включая пожарные корабли, состоял из пятидесяти шести небольших судов, ни одно из которых не имело более восемнадцати или двадцати орудий калибром от четырех до восемнадцати дюймов.

Турецкие фрегаты, находившиеся под парусами, увидев наступающих греков, открыли огонь из трех пушек и побежали, чтобы сообщить о случившемся флоту, который был пришвартован перед городом Хиос. При приближении греков противник перерезал свои тросы и приготовился к бою, находясь в большом смятении. Двум пожарным кораблям было приказано попытаться подойти к некоторым из их судов, а третьему – держаться ближе к бригу адмирала. Гидраотские брига капитанов Сакуриса, Зумадоса и Скуртиса присоединились к бригу адмирала Миоулиса, и все четыре атаковали корабль капитана-паши Кара-Али. С обеих сторон велась сильная стрельба, но турки так плохо наводили свои пушки, что не причинили греческим судам никакого вреда, несколько пуль прошли только сквозь паруса. Пожарный корабль попытался взять корабль паши на правый борт; но капитан слишком быстро поджег его, и паша успел взять галс, и он немедленно поставил все паруса, чтобы уйти с его пути. Она прошла близко от его кормы, и если бы капитан задержался хоть на минуту, чтобы поджечь ее, цель была бы достигнута. Команда пожарного корабля поднялась на борт адмиральского судна, и флот начал выходить из канала. Турки, поняв их намерение, пустились в погоню и вели огонь всю ночь. Греки, простояв до рассвета, вышли тем же проходом, которым вошли; турки же вышли из канала тем, что был на азиатской стороне, и таким образом почти соприкоснулись с греческими судами, оставшимися снаружи. Один из их бригов, преследуя один из огненных

¹⁹ Рассказ об этой операции, приведенный Соуцо, который утверждает, что получил его от Иоанна Гураса, лейтенанта Одиссея, мало чем отличается от приведенного выше. Он говорит, что Ноотзаса и Паласкаса вытащили из палатки и застрелили, причем не в присутствии Одиссея. По мнению Пукевиля (iv. 51), Одиссей не принимал никакого участия в убийстве: посланники были убиты в Триодосе, на том месте, где Эдип убил своего отца, в то время как Одиссей находился в Араове, обдумывая планы для блага своей страны. М. Пуквилль так стремится сделать из Одиссея героя, что охотно защищает его от всех обвинений, выдвигаемых против него.

кораблей, послал шлюпки, чтобы взять его на буксир, а капитан Балгари атаковал турецкий корабль и заставил его отказаться от погони. Греческий флот, вновь собравшись, направился к Ипсаре; капитан-паша выказал желание преследовать его, но его флот, находившийся у берегов Азии, не обратил внимания на его сигналы. На следующий день они вновь заняли свой пост в проливе.

На военном совете, состоявшемся на борту греческого флота, было решено воспользоваться темной ночью, чтобы снова напасть на врага. Было решено, что два пожарных корабля должны войти в пролив северным проходом, в этом месте часть судов должна остаться, чтобы принять на борт свои команды, когда они выполнят свою задачу, а другие суда должны продолжать крейсировать у южного прохода, на случай, если ветер заставит их пройти пролив на всю длину.

Ночь на 18 июня оказалась благоприятной для предполагаемого нападения на турецкий флот, и два пожарных корабля направились к проливу: один под командованием Константина Канариса, «Ипсариота», другой – под руководством капитана «Гидрота», Джорджа Пепиноса. Канарис, ставший впоследствии столь знаменитым, никогда не отличался яркими подвигами, а его маленький рост, робкий вид и смущенные манеры мало свидетельствовали в пользу его храбрости.

Когда они проходили мимо Спалмадских островов, то оказались на мели в пределах выстрела двух турецких фрегатов. Люди Канариса потеряли мужество, и он сказал им: «Если вы боитесь, бросайтесь в море и плывите к вон тем скалам. Я сожгу пашу». В девять часов вечера поднялся ветерок, и они вошли в пролив; Канарис обнаружил, что его судно не так хорошо плавает, как судно Пепиноса: «Друг, – воскликнул он, – если ты пойдешь впереди меня, ты сожжешь судно раньше, чем я успею выйти на дорогу, и наше предприятие будет выполнено лишь наполовину. Позволь мне идти первым, и ты обязательно придешь вовремя и выполнишь свою долю».

Наступил рамазан, и турки проводили вечер в радости и празднестве; флот был освещен, а корабль капитана-паши, в частности, был украшен большим количеством цветных ламп. Несколько капитанов других кораблей и множество других людей собрались на его борту; трубы, барабаны и цимбалы наполняли воздух своим грохотом; вдруг Канарис подбежал к своему огненному кораблю, прикрепил его к турецкому судну, поджег его и прыгнул в свою лодку...» Теперь вы хорошо освещены!» – крикнул он, проходя под форштевнем. Пламя быстро распространялось; все попытки потушить его были тщетны. Капитан-паша бросился в лодку; одна из мачт корабля, вздымаясь, задела его ялик и опрокинула его, и он умер, добравшись до берега, от полученных травм. Тем временем Пепинос поджег «Капитана-бея», на борту которого находились сокровища флота. Этот корабль сгорел лишь частично, но он был так сильно поврежден, что навсегда лишился возможности служить. Шесть других судов также сильно пострадали, столкнувшись друг с другом в ужасе и смятении, вызванных сожжением этих двух кораблей. Все суда, пришвартованные у острова, оборвали свои тросы, чтобы спастись от пламени; одни направились в город, рискуя сойти на берег в порту; другие взяли курс на южный проход и достигли берегов Азии; третьи пытались выбраться северным проходом. В городе царил такое же смятение: турки, опасаясь, что горящие суда выйдут на берег и подожгут его, подумывали о том, чтобы покинуть его. Если бы у греков было еще несколько пожарных кораблей и часть их флота подошла в это время, вся турецкая эскадра могла бы быть уничтожена.²⁰

Когда в Ипсаре стало известно об успехе предприятия, на всех домах был поднят национальный флаг, а гром артиллерии и звон колоколов приветствовали отважных мореплавателей, когда они высаживались на берег. Первым делом, сойдя на берег, они направились

²⁰ Jourdain, i. 70. Часть этих сведений заимствована у Соуцо.

в церковь, чтобы возблагодарить Господа за успех, которым он их увенчал. Предшествуемые духовенством с религиозными знаками, в сопровождении примасов и при огромном стечении народа, они, выйдя из церкви, прошли торжественной процессией вокруг города. Вернувшись в церковь, Кирилл, почтенный священник из Смирны, завершил обычную службу следующей молитвой:

«Пролей, Господи, благословение Твое на князей земных и на народ, который Ты вверил их попечению. Облегчи в их руках тяжкое бремя правления. Окружи их троны верными слугами и не позволяй им забывать, что власть, которой они обладают от Тебя, служит лишь для счастья людей.

«Приостанови разрушения, разрушающие гармонию божественных творений Твоих; останови кровь, которую с удовольствием проливают преступление и заблуждение.

Восстанови мир; пролей спокойствие и покой на все существа, которым светит звезда, являющаяся творением рук Твоих, и дай всем сердцам понять, что не ненавистью и убийством можно получить Твои благословения».

Турки в гневе решили истребить жителей мастиковых деревень, расположенных на севере Хиоса, которые до сих пор избегали их варварства. Адмирал Миоулис, подозревая, что может произойти, лично отплыл с частью своего флота в этом направлении. Как раз в то время, когда он прибыл, из деревень, которые турки подожгли, поднимался дым; жители, увидев греческие корабли, толпились на берегу или укрывались в горах, пока не представится удобный случай спастись; иные из них сели на скалу в море. Большое число людей спаслось таким образом, но еще большее было истреблено. Так 19 июня закончилась резня на Хиосе, продолжавшаяся в течение двух месяцев. Перепись населения, проведенная пятого числа следующего месяца, показала, что на острове осталось всего 900 человек из 90 000 или 120 000 душ населения. «Таким образом, «мир и порядок были, – по выражению газеты *Oriental Spectator*, – полностью восстановлены на Хиосе».²¹

Пока несчастные жители Хиоса становились жертвами турецкого варварства, их братья с Крита, под командованием Балеста и Юстина де Руана, повсеместно успешно боролись с мусульманами своего острова, которых они заставили запереться в сильных местах. Греки особенно стремились стать хозяевами тех мест, где можно было высадиться, поскольку знали, что в Египте готовится экспедиция, призванная сократить острова, и, естественно, ожидали, что первыми будут атакованы их.

11 июня египетский флот, состоящий из трех фрегатов, четырех корветов, нескольких бригав и шлюпов и тридцати шести транспортов, появился у мыса Малек, на северном побережье острова. Он проплыл вдоль него, подошел и бросил якорь на дороге Ретимоса. На следующий день 3000 человек высадились с него, не встретив никакого сопротивления, и разбили на берегу великолепную палатку Хасан-паши, командующего сухопутными войсками. 16-го числа турки начали подниматься на холмы; греки вышли им навстречу; с утра до трех часов пополудни продолжалась ожесточенная перестрелка. Преимущество позиции было на стороне греков, и варвары были разбиты. По тревоге на дороге выстрелили из пушки, и тут же высадилось подкрепление в 400 или 500 человек; с его помощью турки отбросили наступавших греков. У Балеста, который только оправлялся от лихорадки, под ним убили лошадь, и он получил рану. Его люди отнесли его на опушку небольшого леса, где он умолял их оставить его, прикрыв ветками, до ночи, а затем прийти и отнести его в лагерь в Плетонии. Они послушались его. Турки, увидев, что они уходят, пришли и обыскали лес, пока не нашли несчастного офицера, которому отрубили голову и руки и привели к сер-аскеру, который отдал их имаму, отбывшему на одном из транспортов с английским флагом и доставившему их в капи-

²¹ Пукевиль. Довольно странно, что Журден, который был на месте событий, не упоминает об этой последней резне. Однако его заметки в целом очень лаконичны.

тан-пашу. 18 июня имам прибыл на Хиос; паша выставил останки храброго Балеста на носу своего корабля и наградил его носителя почетной пелиссой. В ту же ночь корабль был сожжен Константином Канарисом!

Критяне вскоре перешли в наступление и, убив 1100 человек Хасана-паши, заставили его затвориться в крепких местах, где чума, которую они, вероятно, принесли с собой, довершила гибель его людей.

Глава III

Прибытие греческого флота к берегам Эпира – Турки разбиты в Акарнании – Корпус филэллинов – Маврокордатос направляется в Месолонги – Атака Омера Брионеса на сулиотов – Хуршид прибывает в Фессалию.

ХУРШИД-ПАША, получив приказы султана о решительном ведении войны, направил свои войска сначала против акарнанцев и этолийцев. В течение марта турецкие офицеры предприняли несколько неудачных попыток проникнуть в Акарнанию, и когда визирь собирал крупные силы в Арте для этой цели, появление гидриотской эскадры у берегов Эпира отвлекло его внимание.

Греческая эскадра, на борту которой находился отряд маниотов под командованием Кириакули, брата бея Мани, бросила якорь в Реньяссе. Оттуда она направилась к Сивоте, где стояли несколько турецких военных кораблей, с намерением захватить их, а затем высадить маниотов в этом месте, чтобы они могли сотрудничать с сулиотами в войне, которую те теперь вели за свое существование против всей мощи Хуршида. Однако флоту было запрещено английским бригом входить в канал Корфу; и таким образом, когда добыча была почти в руках, греки были вынуждены вернуться в Реньяссу. Высадив там маниотов, флот вскоре отправился обратно в Эгейское море.

Чувствуя себя в безопасности со стороны моря, турки решили предпринять еще одну попытку нападения на Акарнанию; переправив 3000 человек в Воницу, они 23 марта выступили против повстанцев. Греками командовал капитан Макрис, сменивший Зонгоса и Каракисаки, их прежних лидеров; под его руководством они настолько разгромили турок, что те отступили в Превезу, потеряв 800 человек. Получив подкрепление в виде 3000 человек, турки выступили из Превезы против Реньяссы, которую осадили 28 марта. В это время они слышали звуки деревянных труб, используемых визирями. Убежденные, что это должен быть сам Хуршид, идущий к ним на помощь, и желая показать ему свою доблесть, они готовились к штурму, когда сами были атакованы Марком Боцарисом и сулиотами, которые использовали эту хитрость, чтобы застать их врасплох. Турки снова были разбиты и преследовались до Кастра Скиа.²²

Поскольку сулиоты знали, что они являются главной целью мести Хуршида, Марку Боцарису было поручено предложить правительству в Коринфе, когда он посетил это место в мае, план общего наступления сулиотов, акарнанцев, этолийцев и пелопоннесцев на армию, которую визирь собирал в Эпире. План, как мы видели, получил одобрение правительства, и Маврокордатос решил лично возглавить экспедицию. Марк Боцарис остался в Коринфе, чтобы сопровождать его.

11 мая (по старому стилю) временное правительство издало акт, предоставляющий А. Маврокордатосу диктаторские полномочия в Западной Греции на срок два месяца, и через несколько дней он покинул Коринф, направляясь в Патры.

Примерно в это же время был сформирован корпус филэллинов. Количество иностранных офицеров, находившихся в Коринфе, было теперь очень велико; многие из них предъявляли чрезмерные претензии, а среди них начали проявляться национальные разногласия. Сенат, чтобы предотвратить возможные негативные последствия, создал комитет, председателем которого был военный министр, для проверки и подтверждения их званий с целью последующего назначения в соответствии с их рангом.²³

²² Pouqueville.

²³ Этот рассказ о корпусе филэллинов был предоставлен Райбо.

На этом собрании несколько офицеров, некоторые из которых были членами комитета, предложили от имени своих товарищей служить рядовыми солдатами до тех пор, пока их не назначат в соответствии с их званием. Это предложение было с радостью принято правительством, которое, по сути, находилось в затруднительном положении относительно того, как занять этих людей; ведь небольшой корпус Балеста, который был их единственными регулярными войсками, уже имел полный комплект офицеров, и не было ни средств, ни оружия²⁴ для его увеличения. Кроме того, поскольку эти иностранцы в основном не знали языка, какую пользу они могли принести, за исключением инженеров и артиллерийских офицеров? Также было необходимо избегать внедрения различных тактик в греческую армию, что можно было достичь только путем объединения их в один корпус хотя бы на одну кампанию.

Чтобы придать корпусу больше достоинства, сенат постановил, что его полковником должен быть главный человек в государстве, президент исполнительной власти. Также было решено, что ряд молодых людей из первых семей нации должны вступить в него для получения военного образования. Различные командные должности в корпусе распределялись в соответствии с предыдущим званием и старшинством. Если они были равны, предпочтение отдавалось тому, кто первым прибыл в Грецию. Каждый филэллин давал клятву служить шесть месяцев, если только не возникали неотложные и уважительные обстоятельства, препятствующие этому. Жалование устанавливалось в соответствии с реальным званием каждого, а не с тем, которое он имел в корпусе. Оно соответствовало французскому, причем турецкие пиастры приравнивались к франкам. Из-за бедности правительства только одна треть жалования выплачивалась наличными – остальное выдавалось в виде облигаций, подлежащих оплате через определенный срок, или земель после заключения мира. Самое низкое жалование соответствовало званию младшего лейтенанта, которое предполагалось у каждого члена корпуса.

Когда организация филэллинов была завершена, а роты Балеста увеличены до двух небольших батальонов под названием Первый полк, оба корпуса 24 мая были приведены под Акрополь для получения знамен. Присутствовали члены правительства, прелаты, ряд капитанов иррегулярных войск и греки всех сословий. Устав их организации был зачитан филэллинам, и тем, кто не одобрял его, было приказано покинуть строй.²⁵

Архиепископ благословил знамена, и президент вручил их двум корпусам, которые принесли присягу перед ним. Каждый филэллин получил документ, подтверждающий его звание, признанное правительством, и им было приказано быть готовыми к выступлению.

Корпус филэллинов представлял собой пеструю картину, так как в нем были офицеры почти всех европейских наций, каждый в своей национальной форме. Только формы Испании, Португалии и Англии отсутствовали в этом доблестном отряде.

Это небольшое подразделение регулярных войск должно было соединиться с 2000 пелопоннесцев, которые, как сообщалось, уже собрались под командованием Колокотрониса в Патрах. Правительство обязалось отправить еще более многочисленное подкрепление после того, как они покинут полуостров; сулиоты должны были присоединиться с 300 человек; а арматолы Этолии, Акарнании и Эпира насчитывали от 6000 до 8000 человек.

26 мая несколько небольших судов, принадлежащих галаксидиотам, которые избежали сожжения османским флотом, прибыли, чтобы переправить Первый полк и филэллинов в Востицу, что позволило бы им избежать трехдневного утомительного марша. На следующий

²⁴ Греческие мушкеты, как уже отмечалось, не подходили для маневров европейской тактики. Когда началось обсуждение названия, которое должен был носить этот корпус, некоторые предлагали назвать его Священным батальоном; но поскольку это имя уже использовалось, а название «Филэллины» (Друзья греков) было более благозвучным и подходящим, оно получило предпочтение, и Корпус филэллинов (Τάγμα τῶν Φιλελλήνων) стал обозначением того подразделения, в котором все иностранцы должны были служить до получения конкретных назначений.

²⁵ Десять человек, которые не могли заставить себя носить мушкет и ранец, покинули строй; но на следующий день большая часть из них попросила о восстановлении.

день президент в сопровождении своего штаба, Марка Боцариса и его сулиотов, роты, состоящей из зантиотов и кефалонийцев под командованием капитана Спирос Панны, и нескольких сотен мореотов, выступил по суше из Коринфа. 30 мая он провел смотр в Востице и окончательно сформировал свой штаб и состав офицеров Корпуса филэллинов. 1 июня они вступили в лагерь греков перед Патрами. Здесь Колокотронис и его офицеры явились к президенту; но выяснилось, что все войска, которые он мог взять с собой, состояли из 500 или 600 маниотов и 300 солдат под командованием Янни Колокотрониса, одного из сыновей капитана. Восемь бригад, прибывших из Месолонги, чтобы переправить их, на следующий день поздно вечером отплыли. На рассвете следующего утра они были у этого города; но из-за препятствий, создаваемых отмелями перед ним, все они высадились только поздней ночью.

Их встретили с большой радостью жители, которые поспешили сообщить им обо всем, что произошло в последнее время в Эпире.

Хуршид, стремясь захватить Сули перед началом похода на Морею, отправил крупные силы против Реньяссы, которую теперь защищали всего пятьдесят три сулиота под командованием Костаса Тимоласа и Кицоса. Турецкий командир, Ахмед Брионес, племянник Омер-паши, получил приказ захватить их силой или подкупом. Сулиоты отразили первую атаку; но, будучи соблазнены предложением 40 000 пиастров в качестве жалования, причитающегося им за службу при осаде Янины под командованием Исмаил-паши, и разрешением отступить в Сули с оружием и багажом, они согласились сдать башню, которую занимали.

Ноти Боцарис, получив письмо с известием об этой капитуляции, был глубоко опечален; он отправил приказ гарнизону Реньяссы не пытаться перейти Ахерон и послал отряд, чтобы разоружить их и доставить двух командиров в кандалах. В течение двух полных дней их оставили на берегах Ахерона; по истечении этого времени совет, зная, что в нынешних обстоятельствах их услуги не могут быть легко отвергнуты, согласился, по просьбе духовенства, помиловать их и вернуть им оружие. Два капитана были сосланы в уединенные места.

Поскольку Хуршид собрал под свои знамена все албанские племена, а войска, предназначенные для действий против Сули под командованием Омера Брионеса, которого он назначил командующим, насчитывали более 20 000 человек, Ноти Боцарис и сулиотский сенат начали готовиться к обороне. Их общие силы не превышали 4700 человек, из которых не более 700 были сулиотами. Было решено, что Ноти Боцарис займет центральную позицию в Гурасе с 900 людьми, чтобы быть готовым помочь любому из других постов, если это потребуется. Каждому из капитанов был назначен пост, который он должен был занять.

Утром 28 мая отряд Наче Фотомароса, занимавший позицию у Серичани, только что завершил свои обычные упражнения по метанию диска и борьбе, когда крик с горы Загори возвестил о приближении тошки под командованием Омера Брионеса. Вскоре появился авангард врага, и в течение дня продолжалась беспорядочная перестрелка. Ночью сулиоты узнали, что Омер-паша намерен атаковать их на следующий день одновременно на нескольких пунктах, чтобы отвлечь их внимание, в то время как он сам нанесет главный удар в центр гор. Они немедленно зажгли огни на холмах и отправили гонцов на другие посты, а также к Кириакули и его маниотам, находившимся в Фанари, близ порта Глихис, чтобы предупредить их.

На следующее утро сулиоты были атакованы одновременно в Гурасе, Серичани, Заврокосе и Ливискитасе. Против последнего места, которое защищали капитаны Цавеллас и Дракос с 1000 человек, Омер Брионес выступил лично во главе 5000 албанцев. Бой длился шесть часов, когда Цавеллас атаковал их с фланга, а Дракос – с фронта, и они бежали, оставив 438 убитых и более 500 раненых. Хаго Бессиарис был отброшен в Гурасе Ноти Боцарисом с потерей 900 человек. Тахир Абас поспешил к нему на помощь с крупным отрядом и восстановил бой. Около двух часов дня Боцарис, получив подкрепление в 300 человек, атаковал шептаров с такой яростью, что заставил их отступить с потерей двенадцати знамен и двух орудий.

На закате мусульмане отступили, разбитые на всех пунктах, потеряв 1300 человек убитыми и ранеными и восемнадцать знамен.

Однако сулиоты знали, что в бою участвовала лишь часть вражеских сил, и начали сомневаться, смогут ли они продолжать сопротивление. По указанию вождей женщины принесли им еду и вино, чтобы подкрепить их силы и подготовить к тяготам следующего дня. Когда женщины выполнили свою задачу, они, по приказу Ноти Боцариса, удалились на крутые высоты Киафы, где могли оставаться в безопасности.

Между тем отряд из 5000 тошки, возглавляемый Тахиром Абасом, продвигался в темноте и тишине к Гурасу. На рассвете они оказались у подножия подъема и, с мечами в руках, бросились вперед к позициям христиан. Холодный и хорошо направленный огонь заставил их отступить; снова они двинулись вперед по приказу Тахира Абаса, и снова огонь сулиотов отбросил их назад. Отбитые четыре раза, они начали рассеиваться, как это разрешено обычаем в таких случаях, когда Омер Брионес, узнав об их положении, пришел им на помощь с большим отрядом войск и открыл регулярный огонь по сулиотам. Тошки, собравшись с силами, возобновили бой, который продолжался с упорством с обеих сторон до двух часов дня, когда Ноти Боцарис, заметив, что враг обошел его левый фланг, решил отступить. Он отступил в полном порядке к подножию горы Вутца, где разместил свой штаб в церкви Святого Николая, которая контролирует вход в ущелье; часть его войск заняла деревню Мургас, где тропа, поворачивая на запад, ведет к открытой деревне Сули.

Христиане, находясь на своих позициях, уставшие и изнуренные дневными трудами и палящим солнцем, совершенно не имели воды, так как все источники находились в руках врага. Они возвысили свои голоса в мольбе к Небесам, и, как будто в ответ на их молитвы, облака собрались вокруг вершин гор Сули и пролились обильными потоками по их склонам. В десять часов вечера дождь прекратился, и вскоре после этого к передовым постам явилась группа сулиотских женщин, прося разрешения разделить опасности войны; Боцарис удовлетворил их желание и приказал им занять позицию у Самонивы, куда войска должны были отступить в случае поражения.

Ранним утром следующего дня (31 мая) Омер Брионес выступил с 11 000 человек против деревни Мургас, которую защищали 2360 христиан. Батарея, которую он установил за ночь, начала обстреливать сулиотов, которые, не обращая внимания на плохо направленный огонь, оставались стойкими на своих позициях; и по мере продвижения турок 300 их лучших бойцов пали от пуль сулиотов. Но пока их внимание было занято Омером Брионесом, Тахир Абас и 3000 тошки, совершив быстрый обход через горы на несколько миль, сумели установить пушку на возвышенности, которая контролировала Киафу, и занять деревню Сули. Христиане, узнав об этом, немедленно эвакуировали Мургас; войска Омера Брионеса также двинулись в разных направлениях к Сули; и в беспорядке турки и христиане вступили в деревню. Завязалась яростная схватка; они атаковали друг друга с мечами в руках; город был взят и отбит более одного раза; женщины скатывали обломки скал на врагов; пушка, которую Тахир Абас установил против Киафы, была сброшена в пропасть. В конце концов христиане были отброшены через поток Самонивы; и в два часа дня (в самое жаркое время) обе стороны прекратили бой, и турки отступили от берега этого потока, который они не смогли пересечь.

Когда христиане были вынуждены покинуть Сули, семьдесят храбрых мужчин заперлись в двух домах с бойницами, решив защищать их. Афанасий Дракос также укрепился с тридцатью людьми в своем доме, расположенном на возвышенности в деревне. Сопротивление, оказанное этими отважными воинами, было таким, что Омер Брионес понял, что его можно преодолеть только с помощью артиллерии. Когда сулиоты увидели приближающиеся пушки, они поняли, что если останутся на месте, то будут погребены под руинами стен; схватив свои мечи, два отряда вырвались и пробились через изумленных и восхищенных шептаров. Третий отряд, не сумев спастись, крикнул: «Бесса я бесса» (Вера за веру), и эта формула, используемая среди

албанцев разных вероисповеданий, но одной страны, обеспечила им свободный проход с оружием и багажом. В Колони они воссоединились со своими товарищами по оружию.

Пока в Сули бушевал бой, Мехмет, визирь Мореи, и два других паши быстро выступили с 2000 человек против мельницы Дала, одного из пунктов, которые сулиоты решили защищать до последнего. Туза Зервас, которому была поручена ее защита, так мало ожидал нападения, что отправил большую часть своих людей на защиту Сули. Соответственно, он смог оказать лишь слабое сопротивление, и Дала попала в руки врага.

Потери турок в этот день, как нам сообщают, составили 2500 человек убитыми и ранеными; потери сулиотов – двадцать мужчин и восемь женщин – поразительное несоответствие, едва ли правдоподобное, даже с учетом большой разницы в численности и различных способов ведения боя турок и греков, что мы уже не раз отмечаем.

Сулиоты теперь заново распределили сильные позиции среди своих капитанов. Ноти Боцарис разместил свой штаб в Самониве; защита Како-Сули, в которой содержался Хусейн, сын Мухтар-паши, была поручена Цегори Цавелласу; Киафа, Аварикос, Кионги, Хона, Дембез, Стретцеца и Серичани, которые были отбиты, были доверены другим капитанам. Турки также укрепились на занятых ими позициях: Омер Брионес и Тахир заняли деревню Сули, где они создавали склады; кияя Хуршида расположился лагерем на горе Вутзи; Мехмет-паша – у мельницы Дала.

Позиция, занятая киаей, была настолько важна для сулиотов, что они решили попытаться выбить его оттуда. Соответственно, 5 июня 2000 храбрых паликаров взобрались на скалы горы Вутзи и, спустившись в лагерь турок, прорвались в него. Они достигли складов и подожгли их. Войска из Азии сразу же бежали; албанцы, оставленные ими, были вынуждены последовать их примеру; лагерь и все, что в нем находилось, попали в руки сулиотов.

Куршид был теперь проинформирован о высадке Маврокордатоса; он также узнал, что между Омером Брионесом и его киаей начали проявляться разногласия; он сомневался в верности и стойкости шептаров; диван настаивал на том, чтобы он закончил войну в Эпире и поспешил в Ларису, чтобы принять командование армией, предназначенной для возвращения Мореи. Поэтому он решил лично отправиться в Сули и попытаться силой или переговорами положить конец конфликту.

7 июня визирь, сопровождаемый 3000 человек, прибыл к Самониве. Он немедленно отправил предложение своего ультиматума, который заключался в том, что если они сдадут ему Хусейн-пашу и замок, построенный Али, выдадут заложников и согласятся покинуть свою страну, он готов предоставить им от имени султана равную территорию в Перребии или за Пиндом и 12 000 кошельков (около 200 000 фунтов) деньгами в качестве компенсации, а также гарантировать им все права и привилегии, предоставленные славными султанами арматолам Греции. Он дал им три дня на размышление, после чего, если они отвергнут эти условия, он призывал Аллаха и Пророка в свидетели, что они не получают от него ни мира, ни перемирия.

Сулиоты на совете, который они провели после получения этих предложений, единогласно решили отвергнуть их и погибнуть, защищая свою страну. Было даже предложено, что в случае крайности они должны собственноручно убить своих жен и детей и искать смерти в рядах врагов. Женщины, услышав это решение, возразили против него, потребовав позволить им умереть достойно дочерям Сули; и по их просьбе 400 из них были сформированы в отряд и вооружены. Посланники Хуршида были отправлены обратно с категорическим отказом.

10 июня боевые действия возобновились, и сулиоты сумели отбить мельницу Дала; но в качестве компенсации Омер Брионес захватил пост Аварикос; и Ноти Боцарис, вместо того чтобы попытаться отвлечь внимание Хуршида, позволил ему отправить подкрепления Омеру Брионесу, который установил несколько пушек на этой сильной позиции. На следующий день большой отряд врага атаковал Самориву, и они не были отбиты до пятичасового боя.

13 июня сулиоты решили предпринять смелую попытку выбить врага из Аварикоса. Большая группа из них поднялась на холм, в то время как некоторые отряды овладели ущельями, ведущими к нему. Бой был жарким, земля оспаривалась, когда семь сулиотов, спустившись по скалам, достигли турецких складов на берегах Ахерона и подожгли их. Вид огня наполнил турок ужасом; греки наступали на них; началось всеобщее бегство. Азиаты, не сумев бежать, были сброшены со скал; албанцы рассеялись и бежали. Враг оставил 1700 своих людей мертвыми; все их знамена, артиллерия и боеприпасы стали добычей сулиотов. Омер Брионес, вынужденный бежать пешком, с горечью увидел своего любимого арабского коня в руках врага. Омер, который, долго служа в Египте, приобрел всю любовь бедуина к своему коню, был глубоко опечален его потерей. Он предложил целых 5000 талари (более 1000 фунтов) за его выкуп; но сулиоты, предпочитавшие огорчать Омера деньгам, отказались вернуть его коня. Тогда Омер предложил ту же сумму любому из своих людей, кто либо вернет коня, либо убьет его, чтобы христиане не получили удовольствия владеть им.

На следующий день в четыре часа дня албанцы и другие войска, покинув деревню Сули, направились к потоку Самонивы, через который они попытались прорваться. Сопротивление, с которым они столкнулись, было крайне упорным. Наступление ночи разделило противников. Турки отступили на свои позиции; но сулиоты, воспользовавшись темнотой, пересекли поток и атаковали деревню Сули. Они подожгли склады мусульман; среди них распространились ужас и замешательство; они бежали в беспорядке; сулиоты ворвались в штаб Омера Брионеса и захватили его секретаря, его бумаги, часть его сокровищ и его багаж. Все боеприпасы и припасы были унесены женщинами в горы. Шестьсот азиатских турок, отделившихся от армии, на следующее утро были окружены на горе Дондия. Они сдались, получив обещание сохранить им жизнь; и, сложив оружие и поклонившись по приказу победителей перед крестом, они были отправлены к Хуршид-паше, который вернулся в Янину 14-го.

Визирь получил в это время срочные приказы от дивана отправиться в лагерь в Ларисе; и, видя состояние дел в Эпире, он не был против покинуть его и оставить Омелу Брионесу славу и опасность покорения сулиотов. Соответственно, дав тому указания относительно дальнейшего ведения войны против них и отправив свой багаж вперед, он выступил в Фессалию с 4000 всадников и достиг Ларисы 27 июня, где нашел армию в 50 000 человек, собранную и готовую выполнять его приказы.²⁶

²⁶ Предыдущие подробности взяты из Пукевиля.

Глава IV

Маврокордатос отправляется из Месолонги – Марш к Комботи – Сражение с турками – Марк Боцарис отправляется в Сули – Подозрительное поведение Гого – Захват адмирала Пассано – Войска, размещенные в Пете – Экспедиция к Вронце – Возвращение Марка Боцариса – Битва при Пете – Резня филэллинов – Роспуск их корпуса.

Пока храбрые воины Селлеиса защищались против десятикратно превосходящего их числа врагов, войска Пелопоннеса продвигались им на помощь. Маврокордатос, проведя десять дней в Месолонги, занимаясь регулированием администрации города и организацией снабжения своей армии на предстоящую кампанию, начал свой марш 13 июня. Его армия была усилена несколькими отрядами этолийцев и акарнанцев; он отправил приказы различным капитанам Западной Греции встретиться с ним и их отрядами в долине Ласпик, к северу от озера Озерос.²⁷

Армия прошла первый день вдоль подножия горы Аракинф и расположилась лагерем на берегу залива Анатолико. В ту ночь прибыл гонец из Сули, умоляя их ускорить марш, так как сулиоты отчаивались в возможности, если помощь не придет скоро, противостоять многочисленным силам неверных. На следующее утро войскам зачитали приказ дня на разных языках, подчеркивая необходимость поспешить на помощь этому храброму народу и указывая на роковые последствия, которые последуют, если они позволят им быть уничтоженными.

Вечером войска расположились биваком возле Ангело Кастро; на следующий день они достигли берегов Ахелооса, который пересекли вброд у Стратоса, и, пройдя через обширную равнину, разбили лагерь вечером в долине Ласпик.

Ночью состоялся совет греческих вождей, чтобы обсудить наилучший способ оказания помощи сулиотам или создания отвлекающего маневра в их пользу. Совет проходил на открытом воздухе, окруженный кругом солдат, опиравшихся на свои длинные албанские ружья и внимательно слушавших аргументы и доводы прелатов, архимандритов и вождей племен Греции, от храброго сына Селлеиса до горца Лаконии, которые, сидя на корточках с длинными трубками во рту, серьезно обсуждали план действий на следующий день. Результатом обсуждения стало решение, что, поскольку трудно что-либо решить без связи с повстанцами, которые под командованием капитанов Гого, Бакалоса и Варникотиса занимали деревни Пета и Комботи, следует направиться к последнему месту.

Армия оставалась в Ласпике до 18-го, ожидая присоединения отрядов, которые должны были встретиться с ними там: но, так как прибыла лишь небольшая их часть, марш был возобновлен; они достигли берега залива Арта, где чрезмерная жара вынудила их остановиться возле руин древнего города Ольпы. Поскольку дорога, по которой им предстояло идти, была трудной и извилистой, Пассано, бывший адмирал Али-паши, который теперь служил грекам, оказавшийся в этом месте с двумя небольшими канонерскими лодками (всем его флотом), предложил перевезти через залив в Копрени, порт Комботи, их артиллерию, состоящую из двух полевых орудий, и столько багажа, сколько они ему доверят.

Приняв предложение адмирала и погрузив свои пушки и багаж, они вошли в ущелья, ведущие в Аграис, или Вальтос. Пройдя их, они двинулись по равнине, покрытой папоротником, который достигал высоты всадника; на закате они разбили лагерь на берегу сухого русла ручья, затененного огромными платанами. Президент намеревался оставаться здесь тридцать

²⁷ Следующие подробности неудачной экспедиции в Эпир приведены г-ном Рейбо, который присутствовал при большинстве событий.

шесть часов, ожидая возвращения посланника, отправленного в Комботи; но следующее обстоятельство заставило его изменить планы.

Неприязнь, которая начала проявляться среди членов Корпуса филэллинов, казалось, переросла в дух соперничества; и мало кто опасался ее возвращения, когда гармония была нарушена немцами, громко настаивавшими на увольнении французского офицера, который, по их словам, оскорбил честь их нации; они угрожали распустить себя, если их жалобы не будут услышаны. Французы поддерживали своего соотечественника, хотя знали, что он неправ; греки также были на его стороне. Маврокордатос не знал, как поступить, чтобы удовлетворить обе стороны; он не хотел лишиться услуг храброго офицера; а немцы утверждали, что их честь обязывает их уйти, если их обида не будет устранена. «Господа, – наконец воскликнул он, указывая в сторону Арты, – враг там; мы сейчас выступим против него: пусть те, кто желает отступить, не идут дальше». Барабаны забили по всей линии; немцы первыми встали в строй; и марш начался.

Они вернулись к берегу залива, затем вошли в лес и ущелья Марин Орос, и после утомительного семичасового марша через них и равнину к северу между ними и Комботи, они достигли этой деревни поздно ночью. Из-за темноты они не вошли в нее. На рассвете филэллины и корпус Тарелла заняли позицию на небольшой равнине, которая почти изолирована извилинами ручья, протекающего под высотами, на которых стоит деревня. Нерегулярные солдаты вошли в Комботи и присоединились к грекам, находившимся там.

Число людей, присоединившихся к президенту с момента его прибытия в Западную Грецию, было значительно меньше, чем он ожидал. Фактически, греки так долго привыкли к клефтской или партизанской системе войны, что их нельзя было убедить сформировать что-либо, напоминающее регулярную армию. Их сопротивление усиливалось позорным пренебрежением правительства, которое не предпринимало усилий для создания складов снабжения, в результате чего, когда несколько отрядов собирались вместе, они были вынуждены снова расходиться в поисках пищи; и тогда они грабили жителей окружающей страны так, что те часто сожалели о более мягком правлении турок.

Греческие силы в Комботи, таким образом, не превышали 3000 человек; и их число скоро начало уменьшаться; поскольку снабжение провизией не было регулярным, те, кто был уроженцами этой части страны, постоянно покидали лагерь и возвращались домой.

Деревня Комботи была покинута своими жителями в то время, когда эта часть Греции подвергалась вымогательствам и опустошениям Пеливана Бабы. Президент разместил свой штаб на самой высокой точке деревни, чтобы иметь под своим наблюдением различные подразделения своей маленькой армии; и он с тревогой ожидал подкреплений, которые должны были прийти из Мореи. Уже на следующий день после их прибытия в Комботи (22 июня) его войска вступили в бой с турками. Граф Норманн, сопровождаемый другим офицером и около двадцатью людьми, отправился на разведку окрестностей Арты. Едва они отправились, как вернулись в большой спешке, чтобы сообщить о приближении врага. У войск не было и двух минут, чтобы подготовиться к встрече с ними, когда они появились в количестве от 500 до 600 всадников. Они наступали с громкими криками и открыли сильный огонь, который был возвращен греками с высот; и пока те занимали их, корпус Тарелла двигался вдоль подножия холмов, чтобы оказаться между ними и Артой, в то время как полковник Дания, командовавший филэллинами, привел свой корпус в движение, чтобы обойти их слева и подставить под огонь нерегулярных отрядов. Они только что обошли их левый фланг и были уверены в достижении своей цели, когда Мехмет-паша, турецкий командир, приказал отступить. Дания, разъяренный тем, что его добыча ускользает, и не обращая внимания на численность врага, крикнул своему маленькому корпусу атаковать штыками. Приказ едва был отдан, как его выполнили; но турки не стали принимать атаку и ушли, сопровождаемые криками греков и под огнем кор-

пуса Тарелла, который не успел достичь своей цели. Филэллины преследовали их на протяжении четырех миль до самого близкого расстояния от Арты.

Войска оставались в полном бездействии несколько дней, ожидая подкреплений из Мореи. В это время они сильно страдали от недостатка снабжения, и многие иностранцы заболели, а некоторые умерли из-за скудности и плохого качества провизии, которую им выдавали. Один итальянский филэллин по имени Мональди исчез однажды ночью, что вызвало много беспокойства и догадок. Он был человеком замкнутым и меланхоличным, и считалось, что он покинул лагерь, чтобы уединиться для размышлений, как это было его привычкой; но никто не мог понять, что с ним случилось, и суэта войны скоро заставила его забыть. Новости о смерти Балеста и блестящем подвиге Канариса достигли лагеря в докладе центрального правительства президенту. Также поступили сведения о тяжелом положении сулиотов, которые не могли обеспечить себя провизией, так как их связь с побережьем была полностью прервана; и Марк Боцарис решил прорваться через линии врага, чтобы поддержать своих братьев.

Соответственно, вечером 3 июля он отправился с 300 сулиотами в свою опасную экспедицию, оставив армию значительно ослабленной его уходом, а также многочисленными дезертирствами, которые происходили почти ежедневно. Поскольку теперь было трудно удерживать Комботи, и было важно скрыть малочисленность своей армии от врага, президент решил, что корпус Тарелла и ионическая рота Панны займут высоты Петы, которые командовали равниной Арты; в то время как он сам с филэллинами и морейцами Янни Колокотрониса займет позицию в лесу Лангада, чтобы наблюдать за ущельями Марин Орос и держать их открытыми для войск, которые он ожидал из Пелопоннеса.

Пета, которая находится на очень коротком расстоянии от Арты, уже была занята капитаном Гого и его арматолами. Подполковник Штиц, которого Маврокордатос отправил несколькими днями ранее для осмотра этой позиции, был крайне удивлен постоянным общением, которое происходило между этим капитаном и турками из Арты, которые каждый день отправляли ему выючных животных, нагруженных провизией, так что, пока они голодали в Комботи, в Пете был избыток. Г-н Штиц поспешил сообщить об этом президенту, и сам Гого, далекий от попыток скрыть это, считал своей заслугой умение получать припасы от турок, притворяясь их другом, в то время как его настоящей целью, как он говорил, было заманить их в ловушку когда-нибудь. Таким образом, он играл двойную игру, убеждая греков, что обманывает турок, а турок – что все, что он делает, идет им на пользу. К сожалению, положение греков было настолько шатким, что президент был вынужден делать вид, что верит завершениям хитроумного старого клефта, чтобы не заставить его сразу же перейти на сторону врага.²⁸

4-го числа были выполнены запланированные перемещения; но филэллины настоятельно просили разрешения отправиться в Пету, и президент удовлетворил их желание, и граф Норманн принял командование двумя регулярными корпусами в этом месте. Отряд из 100 человек под командованием капитана Александра из Анатолико был оставлен в Комботи, чтобы поддерживать связь между Лангадой и Петой.

В тот же день, когда филэллины заняли свою позицию в Пете, они стали свидетелями захвата храброго Пассано. Этот предприимчивый моряк постоянно курсировал в заливе Арта и сильно затруднял сообщение между двумя сторонами залива. Три большие канонерские

²⁸ По мнению г-на Рейбо, Гого был нерешителен, на чью сторону встать, когда президент вошел в Эпир; знание о том, что ожидаются подкрепления из Мореи, способствовало его нерешительности. Турки хотели, чтобы он присоединился к ним в атаке на президента в день, когда тот достиг Комботи; но Гого ответил, что время не кажется ему подходящим. Затем они потребовали, чтобы он пришел к ним ночью для обсуждения планов; но он отказался, так как, если бы он пошел один, он рисковал бы жизнью – если бы взял с собой несколько своих людей, это вызвало бы подозрения у греков. Затем они попросили его отправить своего сына к ним в качестве заложника; он потребовал от них сначала 200 кошельков. Турки хорошо понимали, что, если он получит деньги, он только посмеется над ними и станет твердо привержен своим соотечественникам; они отказались, и дело закончилось тем, что они отправляли провизию, а он уверял их, что это в их интересах продолжать действовать так, как он действует.

лодки вышли из Превезы и атаковали его. Он долго выдерживал неравный бой; наконец, не в силах больше сопротивляться, он попытался выбраться на лагуны северной стороны залива, но ветер внезапно стих. Затем он спустил лодку, чтобы попытаться добраться до берега на веслах; ядро пробило ее между ветром и водой, и она затонула; турки, сев в свои лодки, вытащили его и некоторых его людей из воды и доставили пленниками в Арту. Люди были вскоре посажены на кол; Пассано, который был знаком с Омером Брионесом, когда они оба служили у Али-паши, был, в связи с этим, допущен к написанию письма президенту, сообщая, что его выкуп установлен в сумме 60 000 пиастров, и просил его содействовать его освобождению. Маврокордатос, у которого не было такой суммы, предложил в обмен на него двух или трех ага, оставшихся из тех, кто был захвачен в Триполице. Филэллины и офицеры первого полка великодушно предложили внести несколько месяцев жалования для выкупа пленного адмирала. Обстоятельства привели к срыву переговоров, и выкуп Пассано был в конечном итоге выплачен его женой – самой достойной и преданной женщиной, проживавшей в Анконе.

Пета расположена на краю плоской вершины оконечности гряды холмов, которые заканчиваются на левом берегу Арты, протекающей мимо одноименного города. Склон, на котором стоит деревня, заканчивается своего рода естественной дорогой, которая соединяет ее с возвышенностью протяженностью около 300 шагов, расположенной параллельно ей. На этом возвышении расположились филэллины, ионийцы и полк Тареллы со своими двумя орудиями. За ними расположились воины Гого и еще один вождь по имени Влакопулос, всего 800 или 900 человек. Присутствие новоприбывших не нарушило сношений Гого с турками; провизия, как обычно, поступала к нему из города, и только по непомерно высоким ценам он позволял чужеземцам брать ее. Он стал всеобщим монополистом на все виды товаров, повышал и понижал стоимость денег по своему усмотрению, так что, например, венецианский секвин в один день стоил двадцать шесть турецких пиастров, а на следующий день, если капитан Гого считал это выгодным для себя, его оценивали не более чем в четырнадцать.

Враг не делал никаких попыток стеснить чужеземцев в их положении; и, словно не замечая их присутствия, дельхи каждое утро выходили из Арты, чтобы попоить лошадей у реки и развлечься метанием джериды. Филэллины горели желанием напасть на них, но граф Норманн, по приказу президента, сдерживал их пыл и заставлял оставаться в обороне. Такое состояние бездействия было неприятно полковнику Дании, чья опрометчивость и тщеславие делали его нетерпимым к сдержанности; Гого воспользовался его слабостью, чтобы подбить его на предприятие, в котором он надеялся увидеть разрушение филэллинских корпусов.

Когда 800 албанцев вышли из Арты, чтобы прочесать страну к северо-востоку, чтобы заставить жителей хранить верность Порте и зайти в тыл Бочарису, Гого представил Дании это дело как простую вылазку 150 человек для взимания контрибуции с монастыря у деревни Плака, и таким образом возбудил в нем желание преследовать и отрезать их. Он дал ему дюжину проводников, в основном своих родственников, и пообещал держать связь между ним и Петой открытой и не допускать недостатка в провизии. Дания сразу же попала в ловушку: филэллины, томившиеся по действию, с нетерпением ждали отплытия; некоторые старые офицеры, чей опыт подсказывал им, как опасно разделяться в присутствии превосходящего по численности врага и полагаться на такого человека, как Гого, высказали некоторые возражения, но их заставили замолчать обычным аргументом твердолобых глупцов: «Оставайтесь на месте, если боитесь». Храбрый Панна и его ионийцы настаивали на том, чтобы разделить их опасности; и 7 июля, в полдень, они с радостью отправились в путь, под тридцатиградусной жарой Реамура, с мешком маиса на муле для всех своих запасов.

Они шли по левому берегу Арты, пока не достигли ущелья, ведущего в Плаку, куда добрались вечером и обнаружили, что албанцы были там накануне. На следующее утро они отправились в путь к Вронце и после шестичасового марша снова подошли к Арте, которая, как они обнаружили, была в этом месте и широкой, и глубокой. Перейдя ее, они вступили в пересечен-

ную местность, изрезанную потоками и покрытую лесами из великолепной древесины; ночью они достигли деревни Вронца, расположенной на вершине холмов и открывающей обширный и великолепный вид на окружающую страну и Адриатику. Они обнаружили, что албанцы покинули это место всего за два часа до этого; так что, если бы не вероломство их проводников или не соблюдение ими обычая страны разряжать ружья, чтобы предупредить врага о своем приближении, они могли бы настигнуть их врасплох.

Дорога из Арты в Яннину проходит по долине под Вронцой, и поскольку все следы албанцев теперь были потеряны, Дания решил остаться там и прервать сообщение между этими двумя местами. Так как провизия была на исходе, к Гого был отправлен гонец, чтобы напомнить ему о его обещании; среди деревьев на обочине дороги, на небольшом расстоянии друг от друга, были установлены два поста с указанием пропускать одиночных путников беспрепятственно, но захватывать все партии, как только они окажутся в промежутке между постами. Ловушка едва успела быть расставлена, как в нее угодила дюжина турок и несколько греков. Чужеземцам с трудом удалось спасти трех пленников живыми, так как ионийцы, по обычаю греков, сразу же отрубили головы своим пленникам.²⁹

²⁹ Именно от этих пленников они узнали о судьбе филэллина Мональди. Оказалось, что, пока они находились в Комботи, албанцы почти каждую ночь выкрадывались из Арты и, скрытые высокими папоротниками и кустами, подкрадывались к деревне, выискивая возможность зарезать часовых. В один из таких случаев они поймали Мональди, который отошел на небольшое расстояние от деревни, и привели его в Арту. Воображение пленника ужаснулось, когда он представил себе ожидающие его пытки; когда его привели к Мегемет-паше, он, на вопрос, куда он идет, ответил, что переходит к туркам. Ему были даны обещания и оказано всяческое внимание, чтобы побудить его сделать открытия; и турки узнали от него о реальной силе греческой армии, которую их страхи сильно преувеличили после боя при Комботи. Подобные попытки продолжались еще два дня, когда паша, обнаружив, что больше ничего не может от него добиться, приказал задушить его, а голову выставить на рыночной площади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.